

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На апельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере –
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки –
среди пепла!

Все ли о том слето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
вольных ежей

апрель–июнь 1999 г.

N 12

А. Галич

ОБЪЕДИНЕНИЕ АНТИФАШИСТОВ НЕ МИФ, А РЕАЛЬНОСТЬ!

Этот номер «Тум-балалайки» задумывался как своего рода «антифашистское ревю», куда вошли бы и описания известных нам современных антифа-изданий, и рассказы об актуальных художественных событиях, связанных с темой фашизма и антифашизма, и анализ социально-культурных процессов. В какой-то мере все эти темы и вошли в номер – мы рады познакомить наших читателей с обзорами российской и зарубежной антифа-прессы, с новыми книгами о фашизме в прошлом и настоящем, с антифашистской критикой в адрес других изданий, с недавними выставками, а также с уже ставшими традицией рецензиями на книги и кинофильмы. Однако стройность замысла нашего двенадцатого номера нарушилась в силу разных событий в антифашистском мире, рассказы о которых тоже заняли изрядное место в предлагаемых нами материалах. Очень приятно было получить от наших все более многочисленных коллег-антифашистов сообщения об их весенних акциях и выступлениях. Хочется также отметить идейную сплоченность и солидарность антифашистов из разных стран, проявившуюся в противодействии так называемому «примирению» с нацистами – об этом читайте в номере. Все это, так же как и радостные известия о возникающих новых антифа-газетах и обретающих порой второе дыхание изданиях, которые, как казалось, давно перестали выходить, позволяет нам сделать оптимистический вывод: объединение антифашистов не миф, а реальность!

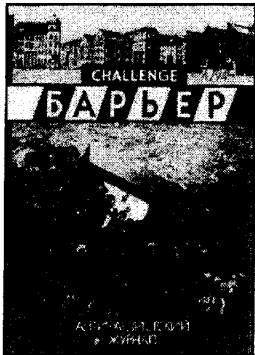
В номере:

- Обзор российской антифашистской прессы с. 2–4
- Обзор антифашистских журналов, издаваемых в Западной Европе с. 4–7
- Антифашистский календарь с. 8–9
- Гродненские зарисовки с. 9
- Антифашистская хроника 8 мая с. 10–11
- Красносельская идиллия Примирение с нацизмом? с. 12–13
- Из истории Сопротивления Дело Поля Грюнингера с. 14–15
- «Над не» или по ту сторону? с. 16
- Памяти Холокоста Выставка произведений современных петербургских художников с. 17
- Юрий Домбровский 90 лет со дня рождения с. 17–18
- Киноревю Пассажиры одного автобуса. или Если бы все было сном с. 19–21
- Переписка с. 22–23
- Уроки эсперанто с юмором с. 23
- Крайне правые в Европарламенте с. 24
- Еще раз об Орле с. 25–26
- Книжкино ревю с. 26–28

Обзор российской антифашистской прессы

Российский антифашизм — явление достаточно пестрое и противоречивое — включает в себя самые разные идеологические и культурные течения. Эта пестрота, разумеется, находит свое выражение в разнообразии отечественных антифашистских изданий, каждое из которых единственное в своем роде.

Первым заявил о себе на антифашистском информационном поле питерский журнал «Барьер», появившийся в 1992 году. Уникальность этого журнала определяется именно тем, что он был первым. Его авторы, тесно сплоченный коллектив, уже в те годы начали собирать и по возможности

обрабатывать обширный архив, а результаты своих наблюдений публиковать на страницах «Барьера». Их статьи, возможно, были порой слишком учены для простого читателя, а обилие исключительно и только устрашающего фактического материала с попутной демонстрацией антисемитских карикатур и фашистской символики вряд ли могло поднять его (читателя) антифашистский дух. Тем не менее впервые российское периодическое издание взялось за тяжелое, но

необходимое дело — ставить общественность в известность о ежечасно растущем русском фашизме, открыто заявлять о попустительстве властей, следить (а какие крепкие нервы нужны для этого, знает любой серьезный издатель антифашистского журнала) за расползающейся коричневой заразой и тыкать в нос остальным: «Что, и теперь скажете, что этого нет?» И получать в ответ равнодушное «да не, это тебе мерещится...».

Необходимо упомянуть еще об одной черте, говорящей в пользу этого журнала: его авторы делали все, чтобы сделать его массовым. Номера журнала можно было купить во многих киосках города и даже за его пределами. К сожалению, этого нельзя сказать ни об одном другом российском антифашистском издании.

Последний, четвертый, номер «Барьера» увидел свет в 1994 году. Однако, насколько нам известно, вскоре готовится второе рождение «Барьера» и накопленный его сотрудниками богатый материал будет вновь публиковаться, а сам журнал значительно увеличится в объеме.

Вряд ли к числу в полном смысле антифашистских изданий можно отнести журнал «Новый Вавилон», скорее, его можно было бы назвать антирасистским. Он выходил в Москве и Петербурге в 1994–1996 годах. Суть журнала еще точнее отражал его подзаголовок — «Международные отношения». Однако темы, поднимавшиеся авторами статей, безусловно представляют интерес для любого антифашиста: национализм и патриотизм, проблема фашизма и закона, дискриминация различных этнических групп, возможности ее преодоления. Любопытно, что был там и литературный отдел — с прозой и стихами как известных, так и неизвестных авторов. Увы, жизнь «Нового Вавилона» тоже была очень короткой.

Судьба Информационно-аналитического бюллетеня Общественного фонда «Антифашист», выходящего в Москве с 1997 года, складывается более удачно. Последний дошедший до нас номер, двенадцатый, увидел свет в мае нынешнего года. Издатели бюллетеня не ставят перед собой пропагандистских задач: их главная цель — сбор, обработка и рас-

пространение информации, необходимой другим участникам антифашистского движения. Отсюда предельно экономный дизайн, который сводится к стандартной первой странице с логотипом фонда и к разбивке текста на разделы и абзацы. Тем не менее для тех, кого агитировать «за антифашизм» уже не нужно, бюллетень может послужить поистине драгоценным источником информации.

Большинство выпусков бюллетеня посвящены углубленному анализу какого-либо аспекта проблемы национал-экстремизма в современной России. Составители бюллетеня, начав с обзора, озаглавленного «Основные националистические организации России и их пресса» (№ 3), в следующих номерах рассматривают такие вопросы, как фашизм и религия, национал-экстремизм и бизнес, молодежь и национал-экстремизм. Каждый из обзоров снабжен солидным справочным аппаратом в виде постраничных сносок и списка литературы. Одно из важнейших направлений в деятельности фонда — мониторинг российского и зарубежного законодательства против фашизма. Четвертый выпуск бюллетеня, в котором проводится сравнение соответствующих законодательных актов Австрии, Германии, Франции, Италии, Португалии, Великобритании, а также международно-правовых документов, — единственный, насколько нам известно, справочник подобного рода на русском языке.

Деятельность фонда «Антифашист» не ограничивается изданием Информационного бюллетеня: фонд регулярно проводит конференции, стенограммы которых также публикуются в виде отдельных выпусков и зачастую содержат такие сведения от наших коллег из регионов, которые невозможно получить из какого-либо другого источника. Наконец, каждый выпуск бюллетеня содержит «информационный раздел», в котором приводятся выдержки из статей центральных и региональных газет, посвященных проблемам фашизма и противодействия ему. Тот факт, что начиная с № 8 из информационного раздела исчезла глава с выдержками из коричневой прессы, можно, пожалуй, только приветствовать: профессионалы должны читать такие материалы в первоисточнике, а не тиражировать в своих изданиях.

Первый номер журнала «Диагноз» (он издается Российским еврейским конгрессом) вышел в апреле 1997 года. С тех пор за два года появилось еще три красочных номера, последний (четвертый) вышел в мае 1999 года. В журнале масса интересных материалов: полезны и информативны статьи о краснодарском губернаторе Кондратенко (№ 2), о процессе по делу ставропольской журналистки Галины Туз, которую местное отделение РНЕ обвинило в оскорблении чести и достоинства (№ 3), рассказ владимирской журналистки Натальи Новожиловой о ее борьбе с провинциальным РНЕ (№ 4). К несомненному достоинству журнала можно отнести и умение его авторов вести разговор об антисемитизме в сегодняшней России корректно и убедительно. Солидный, академический подход к проблемам терминологии находит выражение и в маленьком «Словаре» на последней странице (Виктор Шнирельман), и в больших — в разворот — статьях Виктора Золотаревича и Владимира Прибыловского. Именно на фоне подобных интересных и серьезных материалов особое недоумение вызывают с уважением публикуемые на первых страницах журнала красиво звучащие, но, увы, абсолютно не подкрепленные делами заявления Алексея II (№ 3) и — дальше больше — интервью с «подкупающим своей искренностью» известным националистом мэром Москвы Юрием Лужковым (№ 4). Несомненно, запрещение московского отделения РНЕ некоторые могут расценивать как антифаши-

стский акт, однако как можно объяснить следующее замечание «Диагноза» в этом же интервью: «В Москве многое делается для национальных меньшинств, но, к сожалению, по-прежнему продолжают издаваться и распространяться листовки, газеты и брошюры национал-экстремистского толка»? Мы не уверены, что то, что действительно «делается в Москве для национальных меньшинств», особенно – но не только – для выходцев с Кавказа, могло остаться

замеченным сотрудниками антифашистского журнала. Издание резко отличается от своих менее обеспеченных братьев: глянцевая бумага, великолепная полиграфия, проторная верстка. Но к сожалению, не всегда полиграфические достоинства «Диагноза» украшают журнал. Если цветные фотографии оскверненных могил, например, действительно прибавляют убедительности статьям об опасности антисемитизма, то красочное воспроизведение фашистских листовок и символики в третьем и четвертом номерах журнала вызывает протест у многих антифашистов. На обложке третьего номера нацистский флаг хотя бы попирают ногами наши коллеги из «Антифашистского молодежного действия», но огромная баркашовская свастика на с. 11 и полстраницы, отведенные под листовку того же РНЕ на с. 15, выглядят, мягко говоря, странно. Ну, а обложку четвертого номера просто украшает улыбающийся баркашовец – правда, совсем еще маленький, – а сам номер так и пестрит многоцветными доказательствами «могущества» этого движения. Видимо, нарочито выпяченные свастики предназначены для запугивания инновников, от которых ожидают действий по подавлению экстремистов. Что ж, возможно, чего-то таким образом и можно добиться: РНЕ сегодня стало пугалом универсального применения, на «бескомпромиссной борьбе» с которым зарабатывают политический капитал деятели наподобие Юрия Жижкова (само же РНЕ при этом действует все активнее). Привело ли это к каким-либо позитивным изменениям в массовом сознании, к отказу от политики дискриминации по расовому признаку, которую сплошь и рядом проводят органы МВД попустительстве судов, прокуратуры и Минюста? Ответ неуточшен.

С августа 1997 года в Томске выходит под названием «Антивирус» журнал Томского регионального общественного движения «Антифашистское молодежное действие». «Антивирус» успешно совмещает функции органа АМД с работой более широкой направленности. За исключением первого номера, в основном посвященного идеологии, структуре и хронике АМД, остальные номера сочетают самые разнообразные материалы. Но безусловная особенность «Антивируса» – многочисленные поэтико-философские статьи, такие как «Символ государства в русском менталитете» и даже – только для очень умных – «Коммунизм в системе типизации дуалистических ересей». Тот же номер «Антивируса» целиком предоставлен итом теоретического семинара «Тоталитаризм и ирония».

Газета московского отделения АМД под названием «Действие», выпустившая в 1997 году свой второй номер, к сожалению, на время перестала издаваться, так и не став общими печатным органом АМД и не успев приобрести каких-либо характерных черт. Совсем недавно был подготовлен к печати третий номер, осуществляющий давний проект АМД – обзор наиболее «коричневых» регионов нашей страны под названием «Карта ненависти».

Мы не хотим подражать строгому ценителю Шарапову и поэтому не будем сравнивать издаваемый им вместе с Женей

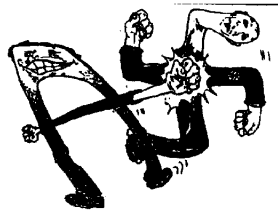
панк-хардкор-ска-фэнзин «Ножи&Вилки» с другими изданиями, выясняя, какое из них нам нравится больше, а какое меньше. Скажем просто, что этот журнал нам *нравится!* Мы не случайно включили его в обзор антифашистской прессы, хотя, строго говоря, «Ножи&Вилки» не являются «специализированным» антифашистским изданием. Фэнзин выполняет чрезвычайно важную функцию пропаганды антифашизма в молодежной субкультурной среде. Все четыре номера журнала, вышедших в Петербурге примерно за год (1998–1999), объединяет одна чрезвычайно характерная и симпатичная черта: в подавляющем большинстве материалов, будь то тексты издателей журнала или «гостевые» статьи, антифашизм и анти тоталитаризм принимаются как нечто само собой разумеющееся. Иногда для наглядности авторы, пишущие, например, обзоры региональной панк-сцены, приправляют сообщения о деятельности своих противников-нацистов сочными замечаниями в скобках типа «Наци на ...!». Однако такие сентенции выглядят едва ли не излишеством на страницах издания, почти каждый материал которого отражает борьбу между антифашистами и нациками, которая идет в молодежных субкультурах, в том числе в панк-движении. В этой борьбе «Ножи&Вилки» занимают бескомпромиссную антифашистскую позицию.

Среди других материалов выделяется интервью с Алексеем Шведовым, опубликованное в № 4. Хотелось бы верить, что несмотря на краткость, замечания Шарапова и Жени оказались более убедительными, чем доводы Алексея, пытавшегося описать прелести движения «Сознание Кришны» и его якобы демократическую направленность. Невозможно удержаться от нескольких цитат, которые говорят сами за себя: «Кому-то это может показаться сексизмом, но я считаю, что женщина все же более приземленное – не примитивное – существо, чем мужчина, и в большинстве случаев ее материальные привязанности идут во вред не только ей самой, но и любимому человеку, поскольку это может помешать правильному духовному развитию»; «...каждый разумный гомосексуалист должен всеми силами стремиться к тому, чтобы вернуться к норме, вместо того чтобы предаваться патологиям». После этого слабо верится в то, что в движении «Сознание Кришны» «НИКТО НИ ОТ КОГО НИЧЕГО НЕ ТРЕБУЕТ». Правда неожиданно вылезает в виде классической советской фразы: «Все делается добровольно, а если иногда кто-то и направляет кого-то, то исключительно ради его же пользы». Дочитав до конца, мы с огромным облечением увидели, что материал заканчивался резюме: «Сексизм, расизм, гомофобия – дерьмо. Аборт – это право человека». Но стоит ли подвергать читателя этой мучительной вакцинации, публикуя подобную опасную дребедень на целых четырех страницах?

Московская газета «Человечность» с подзаголовком «Газета антифашистских групп» также имеет очевидную левую и молодежную направленность. Антифашистская хроника перемежается материалами Левого антифашистского сопротивления, Федерации анархистов Кубани, теоретическими статьями. Первый номер «Человечности» за 1999 год обрадовал выдержанной антифашистской позицией как в отношении иракского и косовского конфликтов, так и в оценке российских «левых». В целом, несмотря на удивляющее соседство серьезных анархических анти тоталитарных статей с заявлениями вроде: «наша деятельность и наше существование» «будут иметь смысл» лишь тогда, когда «мимо Мавзолея Ленина пройдет многотысячная

Антивирус

молодежная демонстрация с красными зонтами», в газете попадают очень интересные материалы, а боевой задор авторов приятно греет душу.

Примерно то же самое можно сказать и о краснодарском «Автономе» – издании Федерации анархистов Кубани. Обилие содержательных антифашистских, антисексистских и

антигомофобских материалов выгодно отличает «Автоном» от многих других леворадикальных изданий, причем особенное

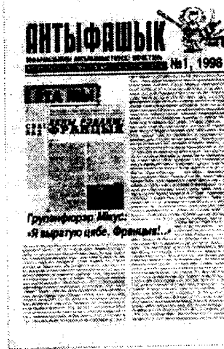
уважение вызывает деятельность его издателей в контексте сложившейся на Кубани, и в особенности в Краснодаре, обстановке. Членами Федерации был также издан один номер анархо-феминистического бюллетеня «Мать порядка». Очень хотелось бы, чтобы репрессии недавнего времени не остановили деятельность Федерации.

Весной 1999 года в Москве вышел первый номер независимого антифашистского журнала *Positive*. По одному, к тому же самому первому, номеру, конечно, трудно судить о журнале. Но уже сейчас можно сказать, что название выбрано правильно – журнал и в самом деле очень позитивный. Помимо обзора разных хардкор-, ска- и панк-групп, журнал в основном содержит призывы к сознательной и веселой жизни, которая возможна только в тесной связи с сопротивлением фашизму и всему тому, что он с собой несет.

НЕЗАВИСИМЫЙ АНТИФАШИСТСКИЙ ЖУРНАЛ

Несмотря на то, что наш обзор заявлен как обзор именно российских антифашистских изданий, хотелось бы еще упомянуть белорусский информационный антифашистский бюллетень «Антыфашык». К сожалению, нам пока известны только

его первые два номера, содержащие любопытные материалы по истории фашизма, статьи, анализирующие современную ситуацию, и информацию о нацистском музыкальном андерграунде, но уже и эти два выпуска заставляют с большим интересом ожидать следующих.

С антифашистской газетой вольных ежей «Тум-балалайка» мы советуем вам ознакомиться самим и составить собственное мнение. Хотелось бы,

пользуясь случаем, еще раз поблагодарить всех тех, кто присылает нам свои материалы, рецензии и отклики. Выпускная свет свой двенадцатый номер, мы рады, что обратные адреса многих корреспондентов нам уже хорошо знакомы, но ничуть не менее мы рады и новым друзьям. Этот обзор хотелось бы закончить известным призывом: пусть солидарность антифашистов станет не историей, а реальностью!

Е.Ж.
В. Сусанин

Информационный бюллетень общественного фонда
«Антифашист»: 115487 Москва, а/я 7
«Диагноз»: 119270 Москва, Фрунзенская наб., 46 (редакция «Международной еврейской газеты»)
«Действие»: 123154 Москва, а/я 37; факс/тел: (095) 946 2212 (для АМД); liberty@aha.ru, antifa@iet.ru
«Ножи&Вилки»: 195009 Санкт-Петербург, а/я 30, Д. Иванов, knivesnforks@usa.net, http://knivesnforks.cjb.net
«Человечность»: 127434 Москва, а/я 32.
«Автоном»: 350001 Краснодар, а/я 3472; Fak-Kr@mail.ru
Positive: 117593 Москва, а/я 21.
«Антыфашык»: Беларусь, 220033 Минск, а/я 87.

Обзор антифашистских журналов, издаваемых в Европе

Печатный орган – важный фактор в жизни общественного движения. Это не только удобная трибуна для пропаганды идей, но также индикатор политической зрелости участников движения. В работе над статьями выкристаллизовывается собственная позиция, мировоззрение, убеждения.

В тех странах Западной Европы, где антифашистское сопротивление имеет давнюю историю и накопленный в результате побед и неудач опыт противостояния фашизму и дискриминации, уже давно появились и регулярно выходят антифашистские журналы: в Англии – *Searchlight*, в Германии – *Antifaschistisches Info-Blatt*, во Франции – *REFLEXes* и *NO PASARAN!*, в Швеции – *Expo*, в Дании – *Nyhedsbrev Demos*, в Норвегии – *Monitor* и *Antifascistisk Aksjon*, в Польше – *Nigdy Więcej*. Этот список можно продолжать примерами и из других европейских стран. Антифашисты разных стран не только постоянно обмениваются материалами, но также координируют проведение как традиционных, так и спонтанных акций.

Searchlight

Старейшее из этих изданий *Searchlight* выпустило свой первый номер газетного формата в 1964 году. Благодаря опубликованным там данным о террористической деятельности неонацистской группировки, на счету которой были убийства на расовой почве, пропаганда антисемитизма и использование самодельных бомб, полиция смогла обезвредить банду.

Этой первой публикации предшествовала, однако, двухлетняя поисковая работа группы энтузиастов, которые собрались летом 1962 года в Лондоне и учредили ассоциацию *Searchlight* для противостояния открытому насилию со стороны неонацистов. В ассоциацию вошли представители консерваторов, лейбористов, либеральной партии, различных этнических и религиозных общин, а также профсоюзов. Нашлись смельчаки, решившиеся внедриться в неонацистские группировки, чтобы добывать информацию о времени и месте планируемых неонацистских акций, тайных местах проведения собраний, о главарях и об их, как правило, криминальном прошлом и настоящем. Именно благодаря подобной информации, собранной среди неонацистов, журнал *Searchlight* нискал международный авторитет. С 1975 года *Searchlight* стал выходить ежемесячно.

Однако *Searchlight* – это не просто журнал, рассказывающий о профашистских, расистских и тому подобных партиях и группировках в Великобритании. *Searchlight* – это прежде всего широкая информационная сеть, связывающая британские антифашистские и антирасистские организации с такими же группами по всему миру. Часто на страницах журнала публикуются материалы, собранные совместно с коллегами. Одну из своих главных задач *Searchlight* видит в антифашистском образовании и воспитании, поэтому участники сети *Searchlight* регулярно выступают в школах и университетах, а также помогают в разработке учебных программ. На базе *Searchlight* создан информационный центр, который предоставляет сведения как исследователям, работающим в области истории фашизма

расизма, антисемитизма, так и органам государственной власти, местного самоуправления, межправительственным организациям. Например, в 1990–1991 годах на базе специально проведенных исследований *Searchlight* подготовил доклад для комиссии Европейского парламента по изучению причин расизма и ксенофобии. *Searchlight* поддерживает постоянный контакт со СМИ, прежде всего радио и телевидением.

Важнейшую сторону деятельности *Searchlight* отражает название, которое в переводе с английского означает «Пржектор».

Примерами поисковой деятельности *Searchlight*, проливающей свет на многие запутанные дела, могут быть разработка собственной версии убийства шведского премьер-министра Улофа Пальме, расследование преступлений режима апартеида в ЮАР, разоблачение неонацистов-террористов и др. Можно сказать, что одним из главных объектов наблюдения *Searchlight* в Англии является неонацистская террористическая организация *Combat 18* (C18). Цифры 18 означают порядковые номера букв A и H (*Adolf Hitler*) в латинском алфавите. В апреле этого года в Лондоне было совершено несколько терактов: взрывы самодельных бомб в местах компактного проживания иммигрантов и в кафе гомосексуалистов. Ответ-

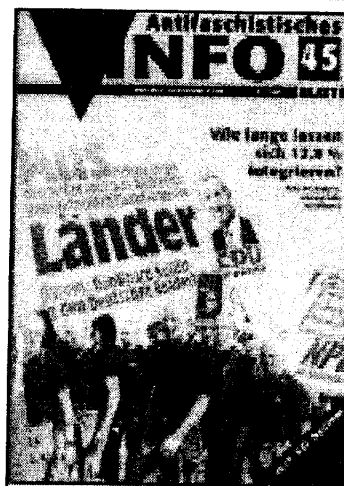
Searchlight,
37 B New Cavendish St.
London W1M 8JR
United Kingdom
Tel. (44 171) 284 4040
Fax (44 171) 284 4410
e-mail:
editors@s-light.demon.co.uk
http://www.s-light.demon.co.uk

ственность за эти преступления взяла на себя группа C18. В досье *Searchlight* оказалось немало материалов об этой организации.

Antifaschistisches Info-Blatt (AIB)

В 1987 году в Берлине появился *Antifaschistisches Info-Blatt* («Антифашистский информационный листок»): несколько человек из турецкой и немецкой антифашистских групп собрались вместе и решили начать собственное издание. Поначалу *AIB* представлял собой тоненький бюллетень, издававшийся на немецком и турецком языках. Однако это совместное издание просуществовало недолго и распалось. Опыт противостояния новой волне расизма и ксенофобии, отмеченной погромами и нападениями на общежития беженцев в Ростоке, Любеке и некоторых других городах Германии в начале 1990-х годов показал, какую роль может играть печатный орган в германском антифашистском движении, и постепенно информационный листок вырос в профессиональный журнал, который перешагнул границы Берлина. *AIB* стали читать по всей Германии и за ее пределами. Корреспонденты из разных областей страны посылают в него свои статьи и материалы. О популярности *AIB* можно судить по тому факту, что, в отличие от большинства антифашистских изданий, существующих с помощью спонсоров, берлинский журнал окупает себя за счет продажи тиража. При этом вся техническая и журналистская работа делается бесплатно.

У немецкого антифашистского движения появился собственный печатный орган для обнародования информации о преступлениях неонацистов и обсуждения тактики и стратегии антифашистского лагеря. Сегодня издатели *AIB* ставят перед собой задачу сбора и предания гласности информации о фашистских и неонацистских организациях и их акциях в

Antifaschistisches Info-Blatt
Gneisenaustr. 2a
10961 Berlin, Germany
Fax (49 30) 694 67 95
e-mail: aib@mail.nadir.org
http://www.nadir.org/nadir/periodika/aib

REFLEXes – NO PASARAN!

Во Франции также сложилась информационная антифашистская сеть, которую объединяют журналы *REFLEXes* и *NO PASARAN!*. История возникновения этих журналов начинается в университете Нантер недалеко от Парижа. Этот университет известен тем, что именно там началось студенческое восстание 1968 года. В середине 1980-х из бывших чистых теоретиков и активистов традиционных либертарных организаций там сложилась анархистская группа под названием

REFLEXes–NO PASARAN,
21-ter, Rue Voltaire
75011 Paris, France
Tel. (33 6) 11 29 02 15
Fax (33 1) 43 72 15 77
e-mail: reflex@ecn.org
http://www.multimania.com/duruti

«Координационная сеть либертарных студентов», которая быстро получила известность не только на окраинах, но и в центре Парижа. В 1986 году многие из ее членов покинули университет и создали «Сеть исследований, образования и борьбы против правого экстремизма и ксенофобии» (фр. *le Réseau d'Etude, de Formation et de Lutte contre l'Extrême-droite et la Xénophobie*). Так родилось название *REFLEX*. Группа также начала издание журнала с названием *REFLEXes*. Время для этих молодых активистов было тяжелое: Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена набирал на выборах все больше голосов, опираясь на помощь неонацистов. Журнал *REFLEXes* боролся за устранение причин возрастания фашистских и расистских настроений, то есть против экономической и социальной политики, порождающей бедность, безработицу, социальную дискриминацию, сексизм, против неравенства. Эта борьба имела очевидно антикапиталистический характер и была направлена против политики неокOLONIALИЗМА, авторитаризма, империализма, полицейского режима в Европе. Журнал выступал не только оппонентом французских правых, но и левых партий, представленных в правительстве, а также против полиции.

Чуть позже в Тулузе прославилась немногочисленная группа, антифашистские акции которой отличались большим чувством

Германии и других странах. Они также уделяют значительное внимание деятельности различных антифашистских групп. Журнал играет роль своеобразного дискуссионного клуба антифашистов, в котором говорится и о проблемах в антифашистском движении в целом, и об особенностях антифашистских групп в разных странах. Обсуждаются также теоретические вопросы современного мирового порядка, международной политики, несовершенство капитализма, возможные альтернативные формы общественного развития. Помимо журналистской работы коллектив *AIB* постоянно участвует в уличных акциях, в организации антифашистских рок-концертов, в дискуссионных клубах и проч.

юмора. Ее поддержали активисты местного альтернативного рока. Таким образом возникла и стала распространяться по всей Франции организация *SCALP* (*les Sections Carrément Anti-Le Pen* – «Радикальная антилепеновская секция»).

В Париже *REFLEX* выбрал своим символом индейца. Этот символ был поддержан и *SCALP* (против «бледнолицых» – фашиствующих противников смешения рас, и «синеглазых» – полиции). В рамках *REFLEX* группа *SCALP*-рокеров стала называться «Кошиз». Это был также и один из псевдонимов, которыми подписывались авторы статей в *REFLEXes*. Два других – Жеронимо и Квана Паркер. Все три имени принадлежали вождям восстававших индейских племен. Во французской прессе стали говорить о радикальных акциях «апачей» *SCALP*. Их лозунги перенимали, стала модной веселая и праздничная манера их демонстраций. Например, разогнав очередную манифестацию, полиция с удивлением обнаруживала разбросанные тут и там стрелы и раскрашенные перья, как бы невзначай выпавшие из головных уборов индейцев.

Испуганные фашисты сделали осторожнее, хотя по-прежнему участвовали в выборах. Но и полиция не дремала: нередко рано утром в домах антифашистов устраивались обыски. Вплоть до 1991 года их за радикальные акции презрительно называли панками, анархистами. Но именно радикализм и позволял им в то время сохранять значительное влияние на улицах, в лицах и университетах. 1991 год стал для *SCALP*–*REFLEX* черным годом, так как начались внутренние раздоры и расколы. Только через год, собрав силы, парижская группа, отделившаяся от *SCALP*–*REFLEX*, создала общепольскую антифашистскую радикальную организацию, получившую название *NO PASARAN!*

Публикации *REFLEXes* были посвящены главным образом исследованиям и анализу правозэкстремистских акций, о которых удавалось узнать, но журнал делал это нерегулярно, да и выпускался исключительно парижанами. Ежемесячник *NO PASARAN!* был изданием, что называется, «прямого действия», он стал печатным органом общенациональной антифашистской сети. Нерегулярность издания *REFLEXes* привела к тому, что многие его авторы стали печататься и в *NO PASARAN!*, отчего последний стал гораздо серьезнее. Он начал привлекать к сотрудничеству различные левые группы, кроме, пожалуй, тех партий, представители которых входили в органы государственной власти. Эти-то партии как раз и нападали постоянно на журнал, в результате чего за участниками движения *SCALP*–*REFLEX*–*NO PASARAN!* закрепилась репутация панков и агрессивных красных скингов. Активисты из *NO PASARAN!* с большим трудом вышли из этого «ультралевацкого гетто». Они активно участвуют в социальной борьбе, в течение десяти лет сотрудничая с многочисленными негосударственными организациями как общенационального, так и местного уровня, в городах и сельской местности. *NO PASARAN!* превратилась в серьезную «взрослую» сеть, не ставшую, однако, от этого менее радикальной. Участники *NO PASARAN!* по-прежнему готовы к приключениям.

Именно в это время журнал *Expo* издавался Обществом Хилла. Это общество получило свое название в честь бесстрашного Рея Хилла, который был внедрен в организацию британских неонацистов и в европейскую нацистскую террористиче-

скую сеть. В течение нескольких лет он добывал для антифашистов уникальные сведения. Журнал *Expo* просуществовал три года и из-за финансовых затруднений был вынужден приостановить работу в январе 1998 года. В 1998 году наиболее актуальные материалы *Expo* печатались в норвежском журнале *Monitor*.

Expo

Однако с весны этого года *Expo* стал выходить снова – в составе объединенного издания *Svartvitt med Expo* («Черно-белое с *Expo*»). *Expo* ведет счет преступлениям, совершенным неонацистами во всех провинциях страны, предают гласности правдивую информацию о налаженной индустрии «Белой власти» (*White Power*), разоблачает действия правозэкстремистских группировок и агрессию скинхедов не только в Швеции, но и в других странах.

Летом 1996 года журналу пришлось выдержать массивную кампанию противодействия со стороны нацистской организации *Nationella Alliansen* («Национальный альянс»). Нацисты угрожали распространителям *Expo*, организациям, поддерживающим журнал, и пытались добиться прекращения его издания. Однако эта кампания принесла результат, противоположный ожидаемому: на защиту антирасистского журнала встала тогда официальная шведская пресса и другие средства массовой информации.

Svartvitt, Box 34080
100 26 Stockholm
Sweden
Tel. (46 8) 612 28 83

Expo, Box 1030
114 79 Stockholm
Sweden
Tel./fax (46 8) 652 60 04
e-mail: expo@hill.se
<http://www.hill.se>

На международном уровне *Expo* сотрудничает и с *Searchlight*, и с *AIB*, и с *REFLEXes*–*NO PASARAN!*. Вынужденное закрытие журнала в очередной раз показало, сколько у *Expo* настоящих друзей, готовых предложить ему свои сбережения. Активисты *Expo* собирают крупнейший в скандинавских странах архив и обмениваются информацией с другими антифашистскими журналами, с учебными заведениями, а также продают эти сведения СМИ.

Monitor

Monitor – независимый норвежский антифашистский журнал, который был создан пять лет назад как небольшой бюллетень. Сегодня это уважаемое всеми издание, на которое часто ссылаются «солидные» средства массовой информации. Издатели журнала *Monitor* видят свою главную задачу в том, чтобы разоблачать расизм, фашизм и другие антидемократические идеологии и лживые измышления ревизионистов, рассказывая правду об исторических фактах и о современных крайних правых.

Monitor издается редакционной группой, которая связана с сетью корреспондентов, охватывающей всю территорию Норвегии. Издатели журнала сотрудничают с такими организациями, как Норвежская ассоциация против антисемитизма и Норвежская гуманистическая ассоциация. Расследования, проводимые по поручению телевидения, радио и газет, составляют важное направление работы редакционного коллектива. Многие материалы журнала послужили основанием для

monitor

-antifascistisk tidsskrift

Monitor, Boks 4741 Sofienberg 0506 Oslo, Norway
Tel. (47 91) 38 08 21
Fax (47 91) 26 27 13
e-mail: monitor@hill.se <http://www.hill.se/monitor>

возбуждения уголовных дел против правых экстремистов. В настоящий момент сотрудники *Monitor* и *Expo* работают над книгой о новом европейском антисемитизме. Эти два журнала также опубликовали совместную брошюру о *EuroNat* – фашистском интернационале Ле Пена.

Одной из важнейших задач для норвежских антифашистов является совместная работа с антифашистами из других стран, прежде всего с *Searchlight*, *REFLEXes – NO PASARAN!*, *Expo* и *Antifaschistisches Info-Blatt*. Участие в международной сети позволяет быстро получать и распространять информацию. Одним из результатов подобного международного сотрудничества стала совместная акция газеты «Тум-балалайка», антифашистской комиссии петербургского «Мемориала» и журнала *Monitor* в Красном Селе в июне этого года (см. с. 12–13).

Другой норвежский антифашистский журнал *Antifascistisk Aksjon* выпускается группой антифашистов-автономов из сквота *Bliz* в Осло. О принципах организации и работе этой группы мы писали в № 8 «Тум-балалайки».

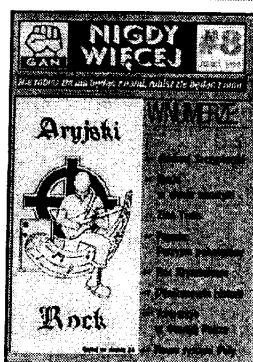
Nyhedsbrev-Demos

В Копенгагене издается независимый журнал *Nyhedsbrev-Demos*. Журнал выходит примерно четыре раза в год, но не регулярно, а когда накапливается достаточно материала. Каждый номер объединен, как правило, общей темой. Журнал *Nyhedsbrev-Demos* издается союзом *Demos*, который был учрежден в 1979 году с тем, чтобы продолжить политический опыт, полученный участниками в ходе сотрудничества с Датскими комиссиями по Вьетнаму и издания журнала *Demos*, основанного в 1969 году. Союз *Demos* придерживается социалистических и антиимпериалистических принципов и действует независимо от существующих групп левого лагеря, вместе с тем сотрудничая с ними в борьбе с правым экстремизмом и добиваясь перестройки общества на началах социализма.

Nyhedsbrev-Demos
Demosbutikken
Elmegade 27,
1. etage
DK-2200 København N
Denmark

Nigdy Więcej

Сбор антифашистской информационной сети европейских стран был бы неполным без упоминания недавно римкнувшего к ней польского журнала *Nigdy Więcej* («Нигда больше»). Польская антифашистская группа, которая издает этот журнал, родилась в 1992 году. В это время посткоммунистической Польше заметно возросли националистические и антисемитские настроения. С 1994 года группа *Nigdy Więcej* издает журнал с таким же названием. Журнал выходит четыре раза в год. Основой для работы *Nigdy Więcej* служат принципы защиты прав человека, развитие демократического общества в Польше, межкультурный обмен и взаимопонимание. На его страницах публикуется информация о различных экстремистских и расистских организациях, орудующих в Польше и в других странах Европы. *Nigdy Więcej* передает свои материалы и напрямую журналистам и организациям, занимающимся проблемами расизма и ксенофобии. Архив, собранный членами группы *Nigdy Więcej*, дает практически полное представление о расистских, неонацистских и антисемитских изданиях, выходящих в Польше с 1989 года. Благодаря такому богатому банку данных сотрудники журнала *Nigdy Więcej* привлекают в качестве экспертов и консультантов в телевизионных и радиопрограммах. Официальная пресса, например центральная ежедневная польская газета *Gazeta Wyborcza*, регулярно публикует материалы из *Nigdy Więcej*. Эксперты из *Nigdy*

Stowarzyszenie
"Nigdy Więcej"
PO Box 6, 03-700
Warszawa 4
Poland

Więcej помогают парламентскому Комитету по проблемам этнических меньшинств в работе, направленной на достижение этнической и религиозной терпимости в польском обществе. В 1995–1997 годах *Nigdy Więcej* совместно с Польским объединением еврейских студентов проводил кампанию за законодательное запрещение деятельности неонацистских, фашистских и расистских организаций в Польше. Во время этой кампании депутаты парламента, представляющие различные политические партии, оказывали журналу поддержку. Сейчас *Nigdy Więcej* осуществляет два проекта в области антирасистского образования молодежи. Один из них – «Музыка против расизма», где участ-

вуют известные польские рок-музыканты, такие как *Kazik, Kult, Big, Cyc, T. Love* и др. В ноябре 1997 года появился альбом, выпущенный при поддержке независимой фирмы грамзаписи *QQRQYQ Production*. Вторым проектом – «Выгоним фашистов с футбольных стадионов». Помимо антифашистской журнальной сети, *Nigdy Więcej* сотрудничает с европейской антирасистской организацией *United for Intercultural Action* и с группами в Восточной Европе. Последний номер журнала вышел на польском и немецком языках в сотрудничестве с *AIB*.

Все перечисленные издания составляют звенья единой общеевропейской антифашистской информационной сети. Помимо журналистской работы, тесно связанной с расследованиями, сбором досюе и разоблачениями неонацистов, коллективы антифашистских журналов свою главную задачу видят в расширении сферы влияния антифашистской идеологии путем образования и воспитания детей и подростков; они также постоянно выступают инициаторами проведения уличных акций.

Существенной отличительной чертой всех обозреваемых в этой статье изданий, несмотря на специфику каждого коллектива, является их левая политическая ориентация и принадлежность к автономной субкультуре. В материалах *Searchlight* и *Antifaschistisches Info-Blatt* чувствуется симпатия авторов к взглядам коммунистов или автономов. Французские и скандинавские журналы придерживаются либертарных идей: анархизма или, в редких случаях, неогматичного коммунизма. На страницах этих изданий много примеров разных уже существующих структур альтернативной жизни в автономной среде.

Самое главное, что, несмотря на различия во взглядах на возможные формы общественной жизни, западные антифашисты солидарны в своей непримиримой и подчас рискованной борьбе с любыми проявлениями фашизма, расизма, антисемитизма, сексизма и ксенофобии, поддерживаемых в большинстве случаев апологетами существующего мирового порядка. Вот почему большинство антифашистов в Западной Европе объявляют войну капиталистическому миропорядку и вместе с тем ведут активный поиск гражданских альтернатив.

Пин Свин

Все перечисленные в нашей статье журналы вы можете найти в антифашистской библиотеке «Мемориала» в нашем городе. Можно также напрямую связаться с редакциями этих изданий и оформить собственную подписку. Многие из этих журналов доступны в сети Интернет.

Антифашистский календарь

Май и июнь, несмотря на экзаменационную лихорадку у многих молодых антифашистов, обычно наполнены событиями, которые требуют максимальной мобилизации интеллектуальных и физических сил.

8 мая в разных частях света проходят демонстрации, пикеты, шествия, концерты и другие акции, приуроченные к Дню Победы. Активисты Федерации анархистов Кубани (ФАК) и Левого антифашистского сопротивления (ЛАС) вместе с присоединившимися к ним представителями Антифашистского молодежного действия (АМД), существующего под эгидой «Выбора России», а также членами партии «Яблоко» и даже партии Александра Лебедя провели в Краснодаре антифашистское шествие и митинг. Всего в акции участвовало около 40–50 человек, она прошла без неприятных инцидентов. Подробнее об этой акции и о проблемах в отношениях АМД и ФАК читайте в письме с Кубани в рубрике «Переписка».

Отделение АМД в Йошкар-Оле напугало членов РНЕ, которым не удалось стройными рядами, как они планировали, пройти по улицам города в День Победы. Узнавшие об их акции антифашисты забаррикадировали проход и, выстроившись впереди колонны баркашовцев, опередили шествие фашистов. Последним ничего не оставалось, как разойтись.

8 и 9 мая прогрессивные панки и молодежные активисты из Беларуси, России и Эстонии съехались в Петербург, где в Василеостровском молодежном центре весьма успешно прошел международный антифашистский панк-фестиваль «Рот Фронт», организованный редакцией панк-хардкор-ска-фэнзина «Ножи&Вилки» и панк-группой «Dolby Систему». В фестивале участвовало около 20 групп из Волгограда, Выборга, Гусева, Магадана, Минска, Москвы, Питера и Таллинна. Особой похвалы заслуживают организаторы фестиваля, которым удалось собрать наиболее интересные хардкор-группы постсоветского пространства (приехали, конечно, не все интересные группы, иначе фестиваль пришлось бы продлить). «Рот Фронт» стал наиболее масштабной и представительной хардкор-тусовкой и показал, что в России есть интересные и достаточно прогрессивные группы (*Greenstench*, «Думать», «Свалка», *Positive Outlook*, *Unconform*, «Маррадеры»,

«Б-67», «Дай пистолет!», «Пять углов», *Hate To State*, «Талонов нет», «Боль разлуки», «Долби Систему», «Последние танки в Париже», «Бондзинский», *J.M.K.E.*, «XXX (Три креста)», «Манифест», *Strawberry Jam*. Во время концертов анархисты также проводили сбор подписей в поддержку арестованных в Краснодаре товарищей.

К сожалению, не обошлось без эксцессов, когда один из пьяных работников клуба (скинхед) подошел к темнокожему антифашисту и потребовал снять антифашистские значки. После возникшей потасовки пьяного наци увели в одно из помещений клуба. Удалось быстро собрать группу людей, которые некоторое время заседали на менеджера клуба, требуя, чтобы он выкинул нациста из помещения. С большим трудом антифашистам удалось настоять на своем. На следующий день также произошли (бескровные) разборки по поводу присутствия на концерте людей с «арийской» символикой. Менеджер клуба, бывший комсомольский работник, пытающийся делать деньги на любви молодежи к панку и хардкору, увивал от ответственности и пытался спустить все на тормозах. На следующий день он вывесил на стене листовку, в которой под видом «критики» листовок против Милошевича, выпущенных «Тум-балалайкой», задавались разные вопросы, вроде «кто им платит?». Тем не менее, главное – не отступать, давить на явных фашистов и сочувствующих, добиваясь своего, чтобы антифашистские мероприятия были свободны от нацистского присутствия.

9 мая в рамках фестиваля прошла конференция – «Перспективы развития антифашистского движения». В ней участвовали представители антифашистских изданий и групп: «Тум-балалайки», фэнзина *Positive* (Москва), журнала «Утопия» (Москва), антифашисты из группы *Hate to state* (Минск), а также представители политических организаций: Левого антифашистского сопротивления, Ассоциации движений анархистов, Комитета за рабочий интернационал.

Конференция в очередной раз показала, насколько неоднородна в смысле идеологических и политических пристрастий российская антифашистская среда и как трудно в силу этих противоречий

выработать конструктивную основу для совместных действий.

И все же отрадно, что разные инициативные группы как среди «левых», так и среди «правых» стремятся создать что-то вроде межрегиональной информационной сети, которая объединила бы многие организации и союзы.

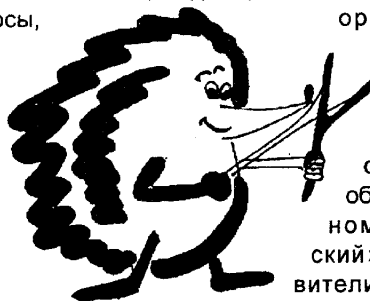
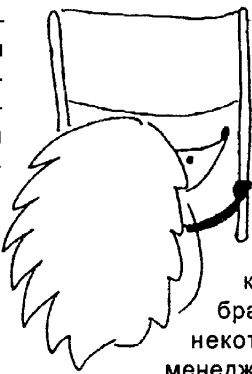
Одна из попыток такого рода была предпринята 6–8 марта в Воронеже, где собрались представители групп в основном левой ориентации (анархисты, трэцкисты, экологи, свободные профсоюзы и т. п.), то есть люди, настроенные антикапиталистически и ведущие поиск альтернативных путей развития для России. Конференция в Воронеже проходила, главным образом, под знаком экологической борьбы и закончилась акцией протеста против работы Воронежской атомной станции.

На питерской же встрече 9 мая, где собрались представители разных идеологических течений и субкультур, в центре внимания был вопрос о необходимости объединения антифашистов не столько с целью создания информационной сети, сколько для практических действий, например проведения уличных акций и концертов. При этом речь, конечно же, не шла об организации какой-то жесткой структуры партийного образца.

Совсем другой характер носил проходивший в Москве 25–27 мая семинар «Стратегия развития и поиск средств для деятельности антифашистских организаций».

Обучающая программа была спланирована совместно АМД и Правозащитным общественным фондом «За гражданское общество». В подмосковном совхозе «Московский» собрались представители АМД из 16 регионов.

Кроме них в семинаре участвовали члены движения «Россия молодая» из Воронежа, сотрудники фонда «Антифашист» и «Тум-балалайки». Поскольку семинар был учебный и им руководили профессиональные ведущие, он приятно отличался от обычных отчетно-выборных конференций АМД, с их несколько наивным бюрократизмом и иерархичностью. Тем не менее, определенная «экономическая» направленность семинара создавала неприятное впечатление методически верно построенной «промычки мозгов». Самым тягостным была вовсе не позиция ведущих, а выявившиеся в ходе работы на семинаре предрассудки участников и очевидная

клонность к тоталитарным методам работы в коллективе, неумение и нежелание выслушать и попробовать понять противоположную точку зрения. Эта серьезная проблема связана с хваткой знаний в области антифашизма, его истории и современного политического спектра. Другой опасной стороной семинара стало, на мой взгляд, разжигание предвзятых мнений фондами «денежной лихорадки» у людей, ведущих общественно-политическую работу часто на одном энтузиазме. Погоня за грантами, жадное стремление получить деньги важно на что («потом придумаем») в

конечном счете заслоняет практическую работу. Такова, к сожалению, судьба многих некоммерческих (негосударственных) организаций.

И все же мое глубокое убеждение, что каждая такая встреча представителей разных регионов и разных групп крайне важна, поскольку в огромной степени именно на основе обмена опытом происходит прояснение собственной позиции, ее отличий от других, поиск соратников, саморазвитие и самообразование.

10 июня состоялась встреча представителей АМД из регионов, где наиболее остро стоит проблема

национал-экстремизма (Краснодарский край, Псковская и Волгоградская области и другие), с руководством фонда «За гражданское общество» и Фонда Генри Джексона (США). В ходе этих консультаций и встреч было принято решение провести антифашистскую общественно-политическую кампанию в память о начале нацистской агрессии против СССР 22 июня 1941 года.

Трухти

В статье использованы материалы электронного бюллетеня «Черный список» № 48 от 26 мая 1999 г. и информационной рассылки АМД от 10 июня 1999 г.

Гродненские зарисовки

Интересная и поучительная история произошла в марте нынешнего года в Гродно (Западная Беларусь). Мы пересказываем ее в том виде, как она дошла до нас, заранее принося извинения за возможные неточности в деталях.

В последние месяцы местные антифашисты заметили, что в городе поднимает голову РНЕ. Симпатизирующие аркашовцам молодые люди были в одно и то же время, и многие представители двух противоположных лагерей с детства знают друг друга, росли на одних улицах. Антифашисты, придерживающиеся различных политических взглядов, — от анархистов до демократов-националистов из белорусского народного фронта (см. статью о БНФ в «Тум-балалайке» № 11) — решили собраться и поговорить о возможных способах противодействия фашистам. Сопровождение проходило в штабе местного БНФ, традиционном месте сбора оппозиционной молодежи. Во время этого совещания на штаб напали РЕНешники и устроили драку, в результате чего в помещении были побиты стекла и перевернута мебель. Силы были примерно равные, и всерьез никто не пострадал.

Через неделю, 5 марта, антифашисты опять собрались в штабе. Фашисты тусовались в сквере неподалеку, намереваясь устроить еще одну драку. Власть прослышала об этом и отправили к месту событий ОМОН, который расположился где-то на подступах к штабу. После собрания антифашисты шли по центральной улице всей толпой и как раз наткнулись на омоновцев. Стражи порядка не особенно интересовались, кто на кого собирался напасть, и на всякий случай решили задержать первых попавшихся, чтобы изолировать на этот вечер. Ребята окружили и стали упихивать битком в небольшие машины. Андрей и Стас Почобуты из группы «Deviation» не хотели садиться друг на друга на колени, требовали нормальных

условий перевозки. Поэтому после проверки документов в милиции всех отпустили, а их оставили. Андрея Почобуту сержант ОМОНа пытался запугать и избил (к счастью, обошлось без серьезных последствий для здоровья Андрея).

Вскоре Стасу удалось сбежать из отделения, когда его выпустили в туалет. А Андрей просидел почти четверо суток до суда и держал сухую голодовку.

Друзья Андрея и Стаса в Беларуси и России быстро мобилизовались и начали звонить и посылать факсы в милицию, суд и прокуратуру. Активисты московской организации «Международный социальный-экологический союз» разослали по инстанциям факс, основной смысл которого выражали следующие строки: «Мы надеемся, что Почобут А. С. будет освобожден в ближайшее время и вмешательство международных правозащитных организаций не потребуется. Столь прискорбный факт нарушения прав человека в Республике Беларусь не способствует процессу интеграции наших братских республик и вызывает протест и возмущение у российской общественности». Разумеется, интеграция с «братской» лужанской Беларусью — это отнюдь не главная забота активистов СоЭС, но тактика оказалась верной. Гродно — город маленький, провинциальный, и власти страшно перепугались, что их незаконные действия получат огласку. Андрей был первым политзаключенным в Гродно за все время существования Беларуси как отдельного государства. После начала телефонно-факсовой кампании к нему в отделение стали приходить необычайно вежливые сотрудники милиции, которые спрашивали, как он себя чувствует и не вызвать ли врача (!).

Суд начался 9 марта. Андрея и Стаса обвиняли в нарушении общественного порядка, выразившемся в матерной

ругани, и в неповиновении сотруднику милиции. 10 марта на заседании суда выступило несколько свидетелей со стороны подсудимых, а омоновец, который задерживал Андрея, не смог внятно повторить, как именно тот ругался и в чем выражалось «неповиновение». В результате антифашисты были оправданы, что для современной Беларуси случай едва ли не уникальный. Мало того, по требованию Социально-экологического союза прокуратура возбудила дело против омоновцев, которые проводили задержание, и некоторые из них были подвергнуты административному взысканию.

Сколько бы ни были непробиваемы силовые и правоохранительные структуры авторитарного белорусского государства, даже они не смогли устоять перед натиском кампании солидарности, развернутой друзьями и единомышленниками гродненских антифашистов. Очевидно, что практика массированного давления на мелких и средних чиновников еще работает, особенно в провинции. Фразы типа: «Если вы не примете мер, не прекратите беззакония и т. д., мы будем вынуждены начать международную кампанию протеста, обратиться в Генеральную Прокуратуру, в суд...» (далее по списку) — мощное оружие в борьбе против произвола, особенно если эти слова напечатаны на бланке солидной московской организации. Во всяком случае, они действуют гораздо лучше, чем подчеркнуто вежливые просьбы «обратить внимание».

Спасибо Ольге Мирясовой (Центр координации и информации СоЭС) за рассказ об этой истории. □

Шествие 8 мая

От редакции. Эта статья была написана участником акции вскоре после 8 мая. К моменту выхода газеты она перестала отражать текущую ситуацию, но в принципиальном отношении наша позиция с тех пор не изменилась.

8 мая этого года в Санкт-Петербурге прошло антифашистское шествие. Как и в прошлом году, оно началось около ТюЗа и завершило свой маршрут у дома 14 по Невскому проспекту, где был проведен небольшой пикет. Главными лозунгами акции были: «Милошевич фашист» и «Милошевичу Нюрнберг», висевшие на своеобразном чучеле Милошевича, а также «Нет этническим чисткам в Косово!». Нельзя, исходя из этого (как сделали некоторые газеты) утверждать, что акция была пронатовская – нет, она была антифашистская! Хотя были и антивоенные, и конкретно антинатовские лозунги, в общем она была направлена против режима Милошевича и его фашистской политики, равно как и против националистической истерии, которая в связи с этими событиями развернулась в России.

Вопрос о том, как относиться к событиям в Косово, особенно актуален в России. Во всем мире проходит огромное число антинатовских демонстраций. Понятно, что позиция НАТО далеко не пацифистская, а методы не назывешь гуманистическими. Действия этой организации способствуют росту милитаризма в мире – притом, что они малоэффективны: этнические чистки продолжают полным ходом. Борьба с тираном, конечно, святое дело, но страдают при этом мирные жители! И даже если Милошевича сместят, что пока маловероятно, Сербия окажется в руи-

нах. Настолько ли цель оправдывает средства?

Что натовские бомбы оказались не тем средством, которое необходимо, это ясно, но за всем этим нельзя забывать, средство против чего они являются. Как раз этой идее и была посвящена акция 8 мая. Если на Западе большинство все-таки осознает по крайней мере необходимость борьбы с Милошевичем, хотя не все согласны с методами НАТО, то в России о причинах бомбардировок будто забыли. А ведь режим Милошевича даже не просто тоталитарный – он откровенно *фашистский*, и аналогии с нацистской Германией если и не совсем точны, то во всяком случае естественны! И геноцид, проводимый Сербией по отношению к косоварам, – достоверный факт. Трудно не признать антигуманности действий НАТО, но когда болезнь уже началась, именно с ней в первую очередь надо бороться, пусть и критикуя при этом плохое лекарство. Болезнь – это фашистская политика Милошевича: уже восемь лет миру известно о массовых убийствах, депортациях, о существовании концлагерей. И конца этому не видно... Независимая пресса задушена, оппоненты лишены права голоса. Тиран разрушил Югославию, предал ее огню и обогрил кровью. И он не собирается на этом останавливаться, тем более что его открыто поддерживают друзья-фашисты во всем мире.

Война в Югославии послужила для русских «патриотов» поводом, чтобы поднять голову (и так, надо сказать, не низко опущенную), патриотическая истерия захлестнула средства массовой информации, трибуны политиков и умы граждан. Панславизм, мирно почивший с царской Россией, вновь на знаменах российского национального

Коллаж с листовки, распространявшейся участниками шествия

самосознания. И большинством движет не гуманизм и пацифизм, не осуждение НАТО, а лишь желание противостоять Западу, вновь увидеть в нем того мифического врага, который только и ищет, как бы навредить «любимой Родине». Такая критика НАТО – это всего-навсего крик «Наших бьют!», а не возмущение по поводу применяемого насилия. Большинство наших патриотов с удовольствием вновь устроили бы то же самое в Чечне, даже не вспомнив о гуманизме и тому подобных красивых словах. К сожалению, и демократически настроенные люди в России – за редким исключением – выступают в первую очередь с осуждением НАТО, а Милошевича критикуют лишь во вторую, тем самым подыгрывая коммунистам и националистам – таким же фашистам, как Милошевич.

Подчеркнем еще раз: косовская проблема выступает как бы в двух планах – общемировом и внутрисерийском. Рассматривая ситуацию в мире в целом, надо занять четкую позицию, не приемлющую как режим Милошевича, так и натовские бомбардировки (альтернативы которым, впрочем, до сих пор никто не предложил). Однако внутри России, с учетом реакции официальных кругов и общественного мнения на войну в Югославии, важнее антимилошевичская, антипанславянская, то есть антифашистская позиция. Едва ли можно оправдывать бомбардировки, но ставить их на

одну доску с тем, что творит Милошевич, нельзя! В России главное – борьба с собственным, растущим день ото дня, фашизмом, а для него осуждение НАТО – лишь способ укрепить свои позиции.

Именно этим проблемам и было посвящено антифашистское шествие восьмого мая, в день, когда весь мир празднует победу над фашизмом. Победу? Да, нацистская Германия была побеждена, но фашизм – нет! И сейчас это особенно четко видно на примере Сербии.

К счастью, самые мрачные ожидания относительно реакции прохожих на шествие не оправдались. Не было ни тухлых яиц, ни помидоров – напротив, по большей части люди реагировали с интересом. Правда, встретила пара маргиналов, вроде солидного господина, подбежавшего к человеку, который нес чучело Милошевича, с истошным криком:

«Кого несешь, сволочь!?» (очень хотелось ему ответить: «Да, именно сволочь и несу!»). Зато были среди прохожих и иные, например албанцы, восхищенные акцией, столь необычной для сегодняшней России. И они были не одиноки – многие наши сограждане также поддерживали демонстрантов. Конечно, пресса окрестила акцию «пронатовской», но это лишь доказывает, что такие акции сегодня необходимы, ибо россияне все еще неспособны видеть проблему во всей ее сложности. К сожалению, многие наши соотечественники уверены: «кто не с нами, тот против нас». Такие стереотипы, как «против Милошевича – значит, за НАТО», поддерживаемые национал-патриотической пропагандой, все еще держат в плену российское массовое сознание.

Лев

Антифашистская акция в Гатчине

Рассказ участника

В городе Гатчина Ленинградской области дата 8 мая также не осталась незамеченной. Местное отделение партии «Демократическая Россия», созданной в 1994 году Г. В. Старовойтовой, и его молодежная организация «Молодые христианские демократы г. Гатчина» провели возле здания Центра творчества юных антифашистский пикет, чтобы привлечь внимание общественности города к проблеме активизации профашистских сил на политической арене, а также к антисемитским высказываниям ряда российских политиков. Участники акции сочли, что над страной, которая сыграла решающую роль в победе над фашизмом, сейчас нависла угроза прихода к власти людей, исповедующих фашистскую идеологию.

Действительно, мы с вами знаем очень много примеров в истории (вспомним хотя бы Германию 1920-х годов), когда, воспользовавшись экономическим и социальным кризисом в обществе, к власти приходили экстремистские силы. Они играли на чувстве «национального достоинства» или даже «национального превосходства» народа, находили «главного виновника» всех его бед (например, евреев), а когда приходили к власти, то страдала вся нация, за интересы которой они так «радели».

Почувствовать сходство ситуации в Германии накануне прихода к власти фашистов с ситуацией в сегодняшней России означает осознать опасность возможной фашизации страны. «Демо-

россы» и «Молодые христианские демократы» считают, что не только осознали эту опасность, но и уже вполне готовы противостоять ей.

Главным лозунгом акции гатчинских демократов был: «Нет фашизму в России!» Ее участники говорили о фашизме не как о какой-то абстрактной проблеме, а ссылались на конкретные факты из политической жизни страны и на известные политические фигуры. В их листовках и плакатах фамилии Баркашов, Макашов и Жириновский употреблялись, мягко скажем, в далеко не положительном контексте.

Как сообщил нам председатель организации «Молодые христианские демократы г. Гатчина» Артем Стародубцев, первоначально акция планировалась как митинг с широким представителем всех гатчинских общественных организаций, однако все они буквально в последний день отказались от участия в ней, приведя различные причины. Не присоединились к акции даже известные организации правого толка. Опять вспоминается Германия двадцатых годов, где из-за недалковидности или просто личных амбиций политиков общество не смогло предотвратить приход к власти нацистов.

Прохожие относились к акции по-разному: кто с поддержкой и пониманием, кто равнодушно. Находились, конечно, и те, кто крайне отрицательно реагировал на происходящее. Так, один очень небрежно одетый человек возму-

щался, что плакат был подписан «Дем-россией», а не компартией, двое нетрезвых молодых людей настоятельно «просили» убрать плакат, оскорбляющий, по их мнению, «честь и достоинство» г-на Жириновского, какой-то мужчина со звериным оскалом и нездоровым фанатичным взглядом сказал, что этот пикет не антифашистский, а «жидофашистский», а его участников назвал «русофобами».

В целом же горожане положительно расценили инициативу гатчинских «демороссов». Об этом свидетельствует тот факт, что ни одна из многочисленных листовок с приглашением принять участие в митинге, расклеенных по всему городу его организаторами, не была сорвана. Когда же мы с моим приятелем попытались сорвать одну такую листовку на остановке, чтобы проверить, хорошо ли она наклеена (кстати, сорвать ее оказалось «нечего делать»), то прохожие (преимущественно люди пожилого возраста) восприняли это крайне негативно и мы с трудом смогли объяснить, что не только ничего не имеем против этой акции, но и сами были ее участниками.

Организаторы пикета заявили, что они и в дальнейшем собираются проводить антифашистские акции. Следующей инициативой будет сбор подписей против регистрации в Гатчине отделения партии «Русское национальное единство».

Так что борьба продолжается!

Вадим Чарушев

Красносельская идиллия

6 июня 1999 года антифашистская комиссия правозащитного общества «Мемориал» совместно с представителями организации «Молодые христианские демократы г. Гатчина», фэнзина «Ножи и вилки» и других дружественных групп пикетировала торжественную церемонию у памятника норвежским эсэсовцам в Красном Селе. Информацию о предыстории события смотрите в статье «В Красном Селе воздвигнут памятник эсэсовцам» («Тум-балалайка» № 11).

Блаженная лень раннего субботнего утра... Сладкий сон цветущих яблонь, теплый пчелиный гул... В эти часы Красное Село представляет собой благодатный фон для самых нежных идиллий. Представьте себе франтоватую луковику синей церквушки (церкви святого Александра Невского), выглядывающей прямо-таки из райских куш. У церкви – живописная группка убеленных сединами старцев, скорбящих над могилой боевых товарищей. Наконец, спустя пятьдесят лет после окончания страшной войны, норвежские legionеры получили возможность отдать долг памяти своим соратникам по оружию. Тут же и создатели этой идиллии – ангелы из общества «Примирение», которые занимаются поиском останков погибших во Второй мировой войне и, узнав по солдатским медальонам их имена, ставят в известность родственников. В

В центре – председатель приходского совета
О. Б. Поликарпова

довершение умилительной лубочной картинки – православный батюшка, с готовностью распахнувший крылья рясы, чтобы объединить прошлое и будущее в экстазе всепрощения.

Стоит, однако, заметить, что службу отец Евгений Ефимов вел за упокой души эсэсовцев-добровольцев, а установка мемориального камня, так же как и июньское паломничество, была организована Эйвиндом Сакслундом – бывшим членом норвежской нацистской партии, активно пропагандирующим ныне идеи ревизионизма, – и к приторным нежно-розовым краскам примешиваются грязноватые тона. Мир

идиллии чрезвычайно хрупок: одно лишнее слово, один дополнительный факт из истории – и его декоративная одномерность разрушена, тогда как в чистом, стилистически безукоризненном виде такая безмятежная картинка вписывается в любой миф. Для неонацистской прессы в Норвегии это будет миф о великом норвежском народе, которому, наконец, воздали должное в варварской России (именно так, по сообщению наших друзей, освещает события норвежская нацистская пресса). Для представителей церкви святого Александра Невского (отца Евгения Ефимова и председателя приходского совета Ольги Борисовны Поликарповой) – миф о широте взглядов православной церкви, дающей прощение и последний приют сволочам любого вероисповедания.

Но если ситуация с потребителями (а также и разрушителями) ревизионистского мифа в Норвегии вполне ясна, то положение Синей церкви в этом вопросе гораздо более щекотливо. Вряд ли пестуемый ею миф рассчитан на ту же публику. Но где

найти его, идеального зрителя, который простодушно проработает умилительные сцены, не замечая ниточек куклового а главное, не задавая лишних вопросов: не слишком ли свежа краска на церквушке? Не слишком ли приторна улыбка батюшки, который подобострастно пожимает приехавшему милиционеру? Не слишком ли самодовольно выглядят старики-норвежцы, так не похожие на раскаявшихся блудных детей?

Вполне понятно, что администрация церкви предприняла попытку провести мероприятия, связанные с установкой и освящением памятника в августе 1998 года, «без лишней шумихи» (мы были единственной газетой, давшей материал об этих событиях). Торжественная служба, намеченная на июнь 1999 года, также должна была состояться, не привлекая к себе внимания общественности и прессы. Норвежские гости были с своей стороны, тоже вовсе не заинтересованы в рекламе своей акции. И уж никак не ожидали они увидеть молодых людей с плакатами, пикетировавших церемонию.

Мы приехали в Красное Село заранее, чтобы успеть распространить листовки среди жителей городка. Большинство из них даже и не знали о существовании могильного камня на территории Синей церкви. В момент начала церемонии мы развернули плакаты и выстроились вдоль церковной ограды, за которой, собственно, и находится камень. Надписи на плакатах гласили на русском и норвежском языках: «Мир и примирение, но не с Ваффен-СС», «Нацисты – вон!», «1941–1999. Борьба с фашизмом продолжается!», «1.500.000 погибших в Ленинграде вызывают к живым: никакого примирения с фашизмом!».

Мы простояли с плакатами все время поминальной службы, сладких речей норвежцев, отца Евгения и председателя ассоциации «Примирение» Юрия Лебедева, усердно нахвалявавших друг друга. Нам даже «посчастливилось»

Мыловары

Из людей варили мыло –
Это так недавно было...
Плод немислимых идей –
Это мыло из людей.

А теперь все мыловары
Стали немощны и стары
И хотят свое искусство
В новое направить русло.

Полон мир учениками –
Ходят толпами, полками...
Есть, с кем опытом делиться
С кем воскреснуть, возгордиться

Мыловары... Мыло – мы.
Голоса из вечной тьмы
К нам зывают ежечасно:
Неужели все напрасно?!..

Неужели память тщетна,
Бесполезна, безответна?!
Неужели все забыли,
Как из нас шампунь варили

прослушать душещипательный псалом в исполнении жены Э. Сакслунда Анны Беате, урожденной Ассерсон, которая в прошлом была известной певицей и до сих пор гордится тем, что удостоилась чести петь для Гитлера. В Норвегии хорошо известна фотография, на которой фюрер целует руку молодой певице. Батюшка несколько раз выходил к нам и то грозил милицией, то

Отец Евгений пожимает руки «стражам порядка»

упрашивал примириться и не ворошить прошлого, а то вдруг начинал выяснять, кто из нас православный. У норвежцев было испорчено настроение. Поликарпова нервничала и пыталась сорвать злобу на журналисте из «Известий». «Заинтересованные лица» (видимо, из числа наиболее активных прихожан) обвиняли нас в «жидомасонстве», в отсутствии патриотизма и в презрении к православным традициям.

Ах, как приятно все-таки бросить камень в болотную взвесь из умиленных слез, благородных седин и захлебывающейся патетики! Внести элемент хаоса в продуманное театральное действо! Увидеть, как начинают нервничать бесталанные актеры, не готовые к импровизации, и как затем они обращаются к силовой инстанции — милиции, расписываясь, таким образом, в собственной слабости! Это ли не победа!

В чем же мораль этой истории? Мне она кажется вполне оптимистичной. Оптимизм — в том, что мы живем в «информационно открытом» обществе, которое является чрезвычайно неблагоприятной средой для выживания всяческих мифов. В том, что в мире существуют сообщества единомышленников, для которых нет географических границ. Что сигнал от наших друзей из Норвегии резонирует в пространстве нашей совести и влечет за собой немедленный ответ. Что связывающие нас информационные сети могут стать дополнительным измерением гражданского самосознания, одним из форумов которого мы хотели бы видеть нашу газету.

Ю. С.

Реакция общественности

Надо сказать, что общественность, наконец получившая доступ к тщательно замалчиваемой информации, достаточно единодушно отреагировала на события в Красном Селе. Благодаря публикации в «Известиях» от 8 июня о скандальном поминовении норвежских эсэсовцев узнали многие россияне. Впрочем, еще и до того Комитет ленинградской организации ветеранов войны и военной службы — однополчан специальным постановлением от 30 марта 1999 года осудил установку памятника на территории церкви св. Александра Невского в Красном Селе. В постановлении установка памятного знака расценивается «как позорное, оскорбительное и недопустимое явление, унижающее честь и достоинство ветеранов войны, боровшихся против фашизма в годы Великой Отечественной войны».

В февральском номере *Searchlight* (№ 284) отдельная статья посвящена истории возвращения ветеранов-эсэсовцев в Красное Село. Это не удивительно: журнал уже писал об Эйвинде Сакслунде, одном из инициаторов установки памятника, в августовском номере за 1998 год (№ 278), характеризую его как одного из самых активных норвежских ветеранов СС и человека, сохранившего и по сей день свои нацистские убеждения.

Норвежский антифашистский журнал *Monitor* в первом номере за 1999 год также опубликовал эту историю, сопроводив ее подборкой фотографий, в том числе с церемонии открытия.

Акция протеста, проведенная антифашистами 6 июня, также была освещена в зарубежной прессе. Одна из самых крупных норвежских газет *Dagsavisen* опубликовала 16 июня подробную статью, включающую и описание самой акции, и интервью с одним из участников, и перечень писем и выражений протеста, уже поступивших в российское посольство в Осло. 18 июня в той же газете была опубликована дополнительная статья, в которой журналист берет интервью у разных заинтересованных лиц. Сначала разговор идет с Сакслундом, который выражает удивление, что антифашистов может не устраивать идея примирения. При этом он забывает, что само слово *антифашизм* возможность примирения с фашизмом отрицает. Совершенно по-другому звучат слова председателя Ассоциации норвежских инвалидов войны Олафа Хоббсланда: «Это невозможно расценить иначе, как поддержку растущего сегодня нацизма. Мне просто не верится, что российские власти мирятся с существованием этого камня». Ассоциация направила письмо протеста в российское посольство.

По нашим данным, в российское посольство также поступили письма протеста от многих других уважаемых организаций, в том числе от международной организации *SOS Rasisme*, Ассоциации борьбы с антисемитизмом, норвежского журнала *Monitor* и др. Так, *SOS Rasisme* назвала установку памятника «величайшим оскорблением как россиян, так и норвежцев, принимавших участие в борьбе с нацизмом».

В то же время, парижская газета «Русская мысль» отказалась печатать материал одного из антифашистов о памятнике в Красном Селе, аргументировав это тем, что норвежских эсэсовцев привело в наши края стремление бороться с большевизмом. «Русская мысль», традиционно занимающая антибольшевистскую позицию, отказалась опубликовать осуждающую эсэсовцев статью, поскольку в предлагаемом материале не было доказательств массового истребления евреев или истязательства над мирным населением. «Всего лишь» *добровольное* членство в СС людей, вызвавшихся воевать на Ленинградском фронте, участие в блокаде города, приведшей к смерти полутора миллионов ленинградцев, видимо, сами по себе осуждению не подлежат. □

Эйвинд Сакслунд слушает пение своей супруги

Дело Поля Грюнингера

Спасение неповиновением

Дело Поля Грюнингера принадлежит к числу тех не слишком известных историй, которые на первый взгляд незаметны на фоне громких исторических событий, во время которых они происходили. Но в то же время именно они и позволяют иной раз правильно оценить противоречивые ситуации, которыми так богата история XX века.

В последние годы весьма неоднозначная роль Швейцарии в истории Второй мировой войны неоднократно привлекала к себе внимание специалистов самых разных областей. Подчеркнуто нейтральная позиция этого государства была далеко не так безобидна, как это пытались представить заинтересованные стороны – не только сама Швейцария, но и нацистская Германия. Как доложила в 1997 году Независимая историческая комиссия, Швейцария не просто вела торговлю золотом с нацистской Германией, но и была **основным банкиром** нацистов: ее банки провели 76 процентов всех операций с золотом Третьего

рейха, причем примерно треть этого золота нацисты отняли у частных лиц – главным образом, у евреев. Не меньшую известность получил опубликованный в Швейцарии незадолго до этого список нескольких тысяч «спящих банковских счетов», владельцы которых, в основном жертвы нацизма, по понятным причинам так и не обратились за ними со времен Второй мировой войны. Банкиры не сочли нужным сообщить о существовании этих счетов еще оставшимся в живых родственникам или наследникам. Деньги, благополучно пролежав в банках почти полвека, обросли баснословными процентами. Банки процветали. Все это получило широкую огласку лишь недавно, благодаря случайной находке одного из швейцарских банковских служащих, история которого столь симптоматична, что мы считаем нужным также предложить ее вниманию читателей (с. 15).

Но «нейтральность» Швейцарии не ограничивалась спонсированием нацизма. После того как в марте 1938 года Гитлер присоединил Австрию к Германии, еврейские беженцы и другие дискриминируемые группы населения (многие из них до того бежали в Австрию из Германии) пытались найти убежище в Швейцарии. Те, кому посчастливилось, пока это было еще возможно, покинуть «гостеприимный кров» охваченных фашизмом стран и пересечь швейцарскую границу, оказывались на чужой земле без прав и без средств – нацисты отбирали у беженцев все деньги и драгоценности. Но уже в августе 1938 года швейцарское правительство объявило, что «корабль полон», и официально закрыло границы страны для жертв нацизма. Как и большинство европейских государств, Швейцария предпочла оставить тысячи евреев, цыган, политических оппонентов гитлеровского террора на произвол судьбы, а точнее – стремительно приближавшегося уничтожения.

Однако не все в Швейцарии были согласны с этим решением. Стараниями убежденных антифашистов и нескольких еврейских общин евреи продолжали

ФИЛЬМ

«Дело Грюнингера»

Документальный фильм режиссера Ришара Диндо «Дело Грюнингера», участвовавший в Берлинском кинофестивале в 1998 году, принес еще большую известность этой истории, длившейся без малого шестьдесят лет, с 1938 по 1996 год.

Фильм не стремится просто представить последовательность событий, не ставит своей целью вызвать сочувствие к осужденному. Задача фильма – полная моральная реабилитация капитана швейцарской полиции Поля Грюнингера.

Метод режиссера довольно необычен. Фильм снят в том самом зале Сен-Гальского суда, в котором в 1942 году Поль Грюнингер был признан преступником. В этом фильме – только история. Нет патетических фраз, нет душераздирающих сцен. Голос читает за кадром выдержки из протоколов, а камера снимает места событий, коробки архивов и их содержимое – стенограммы престранного процесса, где позиции адвоката и прокурора почти неразличимы. Снова в том же зале звучат возмущенные речи, клеймящие гуманизм.

Но Ришар Диндо начинает новый, свой собственный процесс Грюнингера. На этот раз в старом зале суда несколько иная публика. На длинных скамьях сидят съехавшиеся отовсюду спасенные Грюнингером люди, его семья, участники тех далеких событий. Это и публика, и свидетели защиты.

Фильм Диндо неоднократно обвинялся в полном отсутствии каких-либо сценических эффектов. Но трудно представить себе, что же может подействовать на зрителя сильнее тех спокойных

и четких показаний, которые дают эти вызываемые по очереди люди. Вот свидетельствует пожилая пара, много лет назад нелегально пересекавшая ночью Сен-Гальский пропускной пункт. И тут нет места мелодраматическим эффектам. «Вел ли себя капитан Поль Грюнингер корректно по отношению к вам и другим беженцам?» – спрашивает невидимый судья. «Да, он был приветлив и вежлив с нами, но в разговоры не вступал». Судья заканчивает опрос вызванных свидетелей и приглашает следующих. Вслед за спасенными еврейскими беженцами говорят подчиненные Грюнингера, помогавшие ему в этом рискованном деле, говорит его дочь. Она рассказывает о тяжелых годах, последовавших за осуждением отца, о бедности и равнодушии подавляющего большинства окружавших их тогда людей.

В том же зале суда, в котором шестьдесят лет назад капитану был вынесен приговор, перед глазами зрителей идет новый процесс, процесс реабилитации, проводимый режиссером Ришаром Диндо. Поль Грюнингер выигрывает – по-смертно.

Ё.Ж.

Кадр из фильма

попадать в страну, оказываясь при этом на нелегальном положении, без средств к существованию, но — спасая свою жизнь и жизнь своих детей.

Капитан Поль Грюнингер служил шефом полиции в маленькой швейцарской деревне Сен-Галь, находившейся на самой границе. Он не был революционером, не участвовал в Сопротивлении. Он был простым служащим швейцарской пограничной полиции, глубоко уважавшим свою форму, пост, вверенный ему государством, и иерархию своего ведомства. Тем не менее, столкнувшись с реальностью в лице тысяч измученных, обьятых ужасом, лишившихся всего и оставшихся перед закрытыми границами людей, Поль Грюнингер, не раздумывая, пренебрег своим служебным долгом. С помощью своих немногочисленных подчиненных и при молчаливом одобрении жителей деревни он стал подделывать въездные документы евреев, проставляя в их пропусках даты, предшествовавшие закрытию границ. Таким образом, въезжавшие в страну беженцы не только оставались в живых, но и приобретали официальный статус. Характерно, что многим рисковавший капитан отказывался от какого бы то ни было вознаграждения. «Неповиновение служебному долгу» капитана Поли Грюнингера позволило спасти более трех тысяч евреев из Германии и Австрии.

В начале 1939 года необычайное количество беженцев, прошедших за достаточно короткое время через Сен-Гальский пропускной пункт, привлекло внимание полицейского начальства. Было произведено расследование и открыта «незаконная деятельность» Поля Грюнингера и его подчиненных. Последние, как выполнявшие приказ непосредственного начальника, преследованиям не подверглись, в то время как сам Грюнингер был уволен в апреле 1939 года без права восстановления в должности, и против него было заведено уголовное дело.

Суд состоялся в октябре 1940 года. Права на выбор адвоката у Грюнингера не было, а предоставленный своим антисемитизмом и сочувствием нацистам. Судьба капитана-гуманиста была решена. Тем не менее, все попытки обвинить его в коррупции или выявить у него психическое заболевание не увенчались успехом. 23 декабря 1942 года он был признан виновным в систематическом невыполнении служебного долга и осужден. На суде Поль Грюнингер свою вину не отрицал и утверждал, что единственным мотивом его действий была человечность. Подавать на апелляцию он отказался.

Именно после нашумевшего судебного процесса дело Поля Грюнингера стало особенно щекотливым для настаивавшего на своей нейтральности швейцарского правительства. После войны отказ в отмене приговора

1942 года выглядел еще более симптоматичным в контексте экономического сотрудничества Швейцарии с нацистской Германией и сомнительной роли швейцарского Красного креста, приобретавших все большую известность.

Поль Грюнингер, так и не получивший более работы, поддерживаемый друзьями и некоторыми спасенными им людьми, умер в бедности в 1972 году, в возрасте восьмидесяти лет.

Меж тем, специально созданная ассоциация «Справедливость Полю Грюингеру!» на протяжении многих лет тщетно добивалась его реабилитации. В 1995 году ассоциация провела встречу, на которую приехали спасенные Грюингером люди из Австрии, Франции, Израиля и других стран, известные юристы, журналисты, писатели. Переполненный зал требовал отмены приговора теперь уже не самому Полю Грюингеру, но его памяти.

Лишь в 1996 году Швейцария начала в себе мужество признать свою «ошибку» и реабилитировать посмертно капитана полиции, который слушался своей совести больше, чем антигуманных приказов начальства.

Е.Ж.

«Предательство» Кристофера Мейли

История Кристофера Мейли, бывшего сотрудника службы безопасности Сообщества швейцарских банков, во многом схожа с судьбой Поля Грюнингера. Както раз, в начале 1997 года, Мейли обнаружил среди бумаг, подготовленных к уничтожению, нацистские документы времен Второй мировой войны. Нарушив служебную инструкцию, он вынес часть документов из банка и передал их в Еврейскую культурную общину Цюриха.

Документы, обнаруженные Кристофером Мейли, неопровержимо свидетельствовали о том, что швейцарские банки не просто сотрудничали с нацистским режимом: в их сейфы поступала добыча нацистов, происхождение которой старались скрыть. Главным образом это было золото, награбленное в завоеванных странах, снятое с тел убитых людей. Швейцарские банки не просто принимали ценности на хранение: золото превращалось в безликие деньги, которые шли на оплату поставок в Германию оружия и стратегических материалов. Об этом жутком симбиозе было известно давно, но не хватало доказательств. Тех самых доказательств, которые Кристофер Мейли вынес из здания Сообщества швейцарских банков в своем «дипломате».

Как только дело получило огласку, Мейли был уволен с работы с «волчьим билетом». Газеты называли его поступок «государственным преступлением» и «ножом в спину родины, вскормившей его». Начались угрозы; неизвестные подонки терроризировали не только самого Кристофера, но и его жену и детей. В

конце концов семья Мейли приняла, вероятно, единственное возможное решение: неожиданно для всех Мейли вылетели в США и попросили политического убежища. Вскоре эта просьба была удовлетворена Конгрессом.

Так Кристофер Мейли стал первым и единственным швейцарским политическим беженцем в современной истории. Американская общественность оказала семье Мейли моральную и материальную поддержку: начался сбор средств в их пользу, а миллионер Джо Уилф, один из спасенных Оскаром Шиндлером краковских евреев, подарил семье квартиру.

Опубликование документов, ставшее возможным с помощью Кристофера Мейли, положило начало громкому скандалу, в результате которого швейцарские банки вынуждены были признать существование многих позорных страниц своего прошлого и поделить часть неправедно обретенного благосостояния с жертвами нацистского режима и их потомками. Однако не следует забывать и о другой стороне этой истории, которая как раз и заставляет вспомнить о «деле Грюнингера». В жизни каждого из нас возможны ситуации, когда верность «родине» или «служебному долгу» противоречит нашим представлениям о том, как должен вести себя честный человек. Очень важно в таком случае сделать правильный выбор.

По материалам статьи Алексея Славина в «Общей газете» № 15 (245) от 16–22 апреля 1998 года. □

«Над не» или по ту сторону?

«Наша взяла!» Бледно-серый ратник в кольчуге, сканированный с метрошной рекламы «Деревенского масла» (наш ответ ихней «Раме»?) глядит на читателя с газетной страницы. Газета называется «На дне», продается у выхода из станций метро бездомными, которым она призывает помогать, — вот и номер, в котором воспроизведена та самая картинка, украшен слоганом: «Читайте Пушкина, помогайте бездомным». Впрочем, не совсем так — внутри газеты «На дне» живет рубрика (или газета в газете) «Над не», иллюстрация к которой и знаменует превосходство отечественного молокопродукта над импортным. Картинка вполне соответствует содержанию беседы обозревателя «Над не» Дмитрия Пиликина с культурологом Аллой Митрофановой, посвященной «антиамериканизму и новой политической гигиене». Статья, написанная на новейшем психоаналитическом жаргоне («матрицы политического сознания», «носители контроля за телесностью», «цепочки означающих»), посвящена недавнему всплеску антиамериканизма и антизападничества в российском общественном сознании в связи с событиями в Косово. Было бы весьма поверхностно видеть в этом материале попытку сыграть на руку этим настроениям или, напротив, противопоставить им — условно — «пронатовскую» точку зрения. Весь этот навороченный стиль использован с тем, чтобы отстраниться от вынесения того или иного решения, от занятия какой-либо позиции, кроме созерцательной — но отнюдь не бескорыстной, не чистой рефлексии ради: «Закрытая Милошевичем независимая радиостанция В-92 получила все возможные призы и премии. Все наши знакомые сербские художники набрались гонора и обеспечили себе художественную карьеру». Все происходящее в «большом» политическом мире — не более чем повод к самопродвижению в гораздо более тесном и ограниченном поле актуального искусства: «Тоталитаризм» уже отработан как наша фирменная «фишка», и теперь нужны новые интриги. Одной из таких новых художественных интриг может стать антиамериканизм...»

Впрочем, нельзя сказать, чтобы в «На дне» совсем бросили играть фишкой тоталитаризма — в апрельском номере большая статья Олега Юрченко посвящена творчеству небезызвестной группы «Лайбах»: «Славянский национализм испугал американцев, видимо принявших имидж группы за чистую монету». Тот же Олег Юрченко статью о шумовой музыке (*noise*) в № 9 построил на комментариях Александра Лебедева-Фронтва, музыканта и по совместительству весьма активного деятеля НБП и сотрудника «Лимонки» (обзор украшен лебедевским лейблом **ULTRA** с эзэсовскими «молниями»). Правда, в отличие от осени прошлого года, «На дне» уже не помещает на своих страницах хвалебные материалы о Пиночете или последние известия о деятельности Тимура Новикова и его сподвижников из «Новой академии изящных искусств». Но все же, раскрывая очередной номер газеты, всякий раз думаешь, какой политико-художественной новацией будешь теперь осчастливлен. Часть читателей уже просто воспринимает «На дне» как газету, конечно, не фашистскую, но играющую на профашистской или, шире, тоталитарной тематике. Однако в той же газете опубликована статья Нины Захаровой «Русские гримасы расизма» (№ 12 за 1998 год), под многими положениями которой был бы готов подписаться самый последова-

тельный антифашист. Откуда столько противоречий и почему вообще следует уделять внимание этому изданию?

Газеты социальной помощи, посвященные главным образом проблемам бездомных, выпускаются во многих европейских городах — где интересно, где не очень, — но, наверное, только в Питере это издание оказалось столь богемным, что адреса бесплатных столовых обретаются по соседству с постмодернистскими текстами. Плохо это или хорошо? «Проклятые поэты» заведомо не должны чураться общества отверженных, нищих и бездомных — те и другие являются маргиналами выброшенными на обочину «большим обществом», те и другие не вписываются в картину самодостаточной и благопристойной цивилизации. Вообще в кооперации богемы и сферы социальной работы есть прок, и некоторые материалы газеты (рубрика «Расскажи свою историю» или кинообзоры Михаила Гордина) вполне хороши. И все-таки трудно отделаться от ощущения, что группа идеологов и создателей современной художественной культуры использует газету для бездомных в качестве одной из площадок для осуществления или «раскрутки» своих порой сомнительных проектов. Могут возразить: поскольку «Лайбах» или «Новая академия» — часть мировой или питерской художественной сцены, то газета не может избежать того, чтобы освещать

эти направления. Да, тоталитаризм может быть предметом эстетического использования — но здесь мы имеем дело вовсе не с иронией соцарта или концептуалистской рефлексией над миром позднесоветской цивилизации. Здесь нас, постоянно подмигивая, уверяют в серьезности происходящего. Игра взаправду? Но игра в миф — дело небезопасное, и с какого-то момента уже собственно миф, особенно политический, начинают играть своими творцами: по одной из версий еврейской легенды, создатель Голема был убит собственным детищем. Эксплуатируя стереотипы холодной войны — вроде «несовместимости» России и Запада — некоторые художественные идеологи готовы разыграть карту *иной*, находящейся «по ту сторону цивилизации» России-монстра, репрезентируя ее перед западной артистикой и рассчитывая на признание и успех в западной системе координат (интервью кинематографистки Марины Колдобской в одном из прошлогодних номеров «На дне»). Чем это лучше некоторых отечественных дядей-экспертов, с мгимощным образованием и пятисотдолларовыми галстуками, готовых на хорошем английском доказывать особость и неповторимость российского пути в истории и необходимость изоляционизма — разумеется, не для них самих?

Итак, остаются ли проблемы сегодняшнего мира для современного художника (писателя, критика) чем-то большим, нежели возможность той или иной ставки исключительно в расчете на признание, пусть даже негативное, и успех — хотя бы в качестве эпатажирующего жеста? Совсем по-иному, чем в 1920-е или 1930-е годы, перед современными «людьми пера» стоит та же проблема ответственности. Этот вопрос о позиции задается не откуда-то со стороны, само искусство XX века по определению остается политическим, и многие герои сегодняшнего очерка прекрасно это знают. Они ведают, что творят, даже если полем для творчества является газета для бездомных, издаваемая в городе, жителям которого едва ли нужно объяснять, что такое фашизм.

Памяти Холокоста

Выставка произведений современных петербургских художников

С 6 по 21 апреля этого года в Центральном выставочном зале «Манеж» проходила выставка произведений современных петербургских художников «Памяти Холокоста». С инициативой проведения этой экспозиции выступили Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга и творческое объединение «Цаяр». На выставке было представлено около двухсот произведений: живопись и графика, фотография, компьютерный дизайн, а также работы, выполненные в стекле, металле, текстиле, дереве и граните.

Экспозиция была приурочена к Дню памяти Холокоста – Дню Катастрофы, 27 нисана по еврейскому календарю (в этом году – 13 апреля). Однако выставка была не только рассказом о Холокосте: тематически работы были весьма разнообразны. Их авторы – люди разных национальностей, возраста и художественных вкусов, но все они, даже те, кто сейчас живет за рубежом, принадлежат петербургской культуре. Выставка получилась негромкой, но достойной.

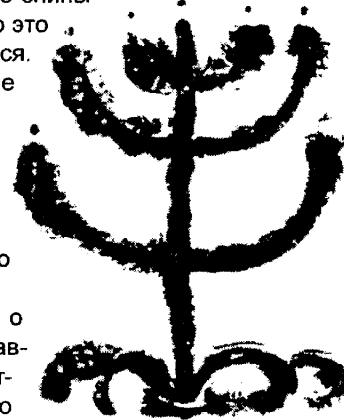
Мое внимание привлекла работа Льва Разумовского, состоящая из двух скульптурных композиций. В первой из них молодые мать и отец своими телами создают круг, в центре которого – улыбающийся малыш, надежно защищенный от бурь внешнего мира. В позах – спокойствие и умиротворение, но вместе с тем и настороженность, готовность в любую минуту закрыть ребенка собственным телом. Контрастно воспринимается вторая композиция: обугленные тела погибших сплелись в форме свастики. Черная глазурь на обожженных телах напоминает об основной идее произведения, заключенной в названии диптиха – «Живущим помнить».

Но, пожалуй, больше всего потряс и запал мне в душу триптих под названием «Сожженные судьбы» работы Петра Лернера, с полотнами почти в человеческий рост. Центральная часть композиции стилизована под старую, довоенного времени фотографию с обгорающими краями. На картине изображены две молодые девушки, вероятно, сестры. Одна из них сидит, другая стоит, опустив руку на плечо сидящей. Девушки улыбаются. Может быть, они только окончили школу, и им кажется, что впереди счастливая и долгая жизнь. Я думаю, они не пережили войну: девушки – еврейки. Правая сторона триптиха выполнена в золотисто-коричневых тонах, также как

и центральное полотно. Спиной к зрителю стоит старый еврей со свитком Торы в руках. Он многое видел в своей жизни, многое пережил. Он мудр. Он молится. Он – сама вековая традиция еврейского народа, не дающая ему окончательно рассыпаться и растеряться в этом мире среди других народов. Левая часть триптиха симметрична правой. Там также изображена мужская фигура со спины в молитвенной позе. Но только это молодой человек, и он не молится. Он пережил войну, он больше не верит в высшую справедливость. Он с каким-то даже укором, вызовом и отчаянием человека, которому больше нечего терять, воздел руки к небесам. Нет, это не молитва о милости – это символ горя.

Эта экспозиция не рассказ о Холокосте: самой трагедии, равно как антивоенной и антифашистской тематике, было посвящено лишь несколько работ. Есть еврейские мотивы, лирические и грустные, исполненные юмора и жизнелюбия, есть просто поэтичные портреты, проникновенные пейзажи, полифонические композиции блистательных питерских мастеров.

Чрезвычайно важен сам факт проведения в Центральном выставочном зале «Манеж» выставки, приуроченной к Дню памяти Холокоста, так как тем самым в какой-то мере удалось привлечь общественное внимание к дате, малоизвестной российскому жителю, и трагическое событие в жизни еврейского народа стало обсуждаться хотя бы на уровне города, освещаться средствами массовой информации. Подобные мероприятия особенно актуальны в связи с расцветом антисемитизма в российской прессе и политических кругах.

Г. Израилевич. «Менора»

МАРА

Юрий Домбровский 90 лет со дня рождения

Юрий Осипович Домбровский (12 мая 1909 – 29 мая 1978) не только прославился как один из самых значительных писателей XX века, но вместе с тем был последовательным антифашистом. Он родился в интеллигентной семье (отец – известный адвокат, мать – биолог). Его отец играл видную роль в работе чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (вместе с Александром Блоком), публиковавшей сведения о тайных агентах охраны. В его жилах наряду с русской текля и цыганская, и еврейская, и, наверно, еще какая-то кровь. Ему было восемь лет, когда к власти пришли большевики, двадцать лет, когда власть сосредоточилась в руках одного из них – Сталина. В конце двадцатых – начале тридцатых годов европейские фашисты и большевики пересмотрели отношение к идеологическим отраслям науки. В конце двадцатых годов Муссолини, Сталиным, а затем Франко и Гитлером была принята установка на уничтожение мысли «не потому, что она правильная или неправильная, а потому что мысль – величайшее препятствие

расчеловечиванию человека» (Фазиль Искандер). В те годы Юрий учился в в Москве в бывшей хвостовской гимназии в Кривоарбатском переулке. Учениками этой школы (в основном позже него) были многие причастные впоследствии к его судьбе люди, в том числе А. С. Берзер (она стала редактором «Хранителя древностей», ей был посвящен последний роман Домбровского), Булат Окуджава и автор этих строк. Еще там «учился жизни» председатель учкома Георгий Эйдинов, который ходил повсюду, чтобы «все засекать и во все проникать», все заносить в клеенчатую тетрадь. «Все наши немощные души ты крепко держал в кулаке...» «Я ненавижу себя, тебя, всех тех, кто тебя поставил над нами», – однажды Домбровский сорвался и накричал на него. «Отсюда все началось», – повторял Домбровский позднее. В сталинские годы Эйдинов сделал блестящую карьеру, лично Сталиным был назначен секретарем партии, заместителем председателя Совнаркома, председателем Госплана Белоруссии.

Как вспоминала А. С. Берзер, «с детских лет он [Домбровский] не любил скуки и скучных людей, давящих и принижающих других». Эти черты характера получили развитие, усугубились во время учебы на Высших литературных курсах. Это кончилось первым арестом, тюрьмой, высылкой из Москвы в Алма-Ату (1932).

В 1930 году нарком просвещения Луначарский публично признал, что большевики пересмотрели отношение к науке и, в особенности, к искусству. На службе «социалистическому строительству» остались лишь естественные и технические дисциплины, а гуманитарные сохранились лишь как часть официальных агитации и пропаганды.

Тем не менее, в последовавшие за ссылкой три-четыре года Домбровским были написаны два романа: один – о молодом Державине, где тот выступает начинающим карьеристом, гонящимся за Пугачевым. Подпоручик Державин в книге очень малосимпатичен, и у Юрия Осиповича не нашлось слов для завершения романа. «Совесть – орудие производства писателя. [...] Все это я понимал и бросил роман на первой части.» Тогда же был анонсирован «Литературным Казахстаном» первый, не дошедший до нас вариант «Хранителя древностей». Но тут последовали второй (1936), за ним третий (1939) и четвертый (1949) аресты.

Писатель провел в ссылке и следственной тюрьме Алма-Аты, в лагерях Колымы, Озерлага, Тайшета в общей сложности двадцать лет. В 1941 году Домбровский, как безнадежный больной, был отправлен с лагпункта «Прокаженка» (Колыма) на материк, а в 1943-м был активирован не по «состоянию» здоровья, а по окончательному отсутствию его. Лежа в Алма-Ате на больничной койке (у него были парализованы ноги), оторванный от всех событий века, он «с полной ясностью понимал, что люди, стоящие над схваткой, открыли зеленую улицу фашизму».

Все пережитое заставило Юрия Домбровского написать антифашистскую книгу «Обезьяна приходит за своим черепом». Главная ее тема – «человеческое первородство в борьбе за гуманизм» – оказывается более существенной, чем увлекательные сюжетные повороты антифашистской борьбы. Герой романа, крупный антрополог, далекий от политики, понимает, что он не может позволить расистам спекулировать на данных, основанных на различиях ископаемых черепов человекообразных «обезьян». Настоящий исследователь, он предпочитает смерть отказу от своих убеждений. Противоположна позиция его коллеги, идущего на компромиссы с фашистским режимом. Этот конфликт приводит его как ученого к краху. Все это не в лоб, без черно-белых характеристик, без пафоса, психологически обоснованно. Это уже настоящий Домбровский, сумевший довести историю до конца, исполненного оптимизма, но требующего от читателя бдительности. Сюжетный динамизм сочетается в этом ром

мане с серьезной философией и отстаиванием общечеловеческих ценностей. Роман был принят к печати одним из московских журналов, получил множество положительных и даже восторженных рецензий. Однако тут подоспел очередной арест, и только через 16 лет произошло чудо из серии «рукописи не горят»: не назвавший себя человек сказал, что ему было поручено уничтожить рукопись, но он сохранил ее – и вернул

автору. В 1959 году роман вышел отдельной книгой.

Та же тема остается главной и в «Хранителе древностей» (1964) и в «Факультете ненужных вещей» (1978, Париж). После завершения «Факультета», после рассылки его по московским журналам, после того, как стало ясно, что время опубликования романа то ли прошло, то ли еще не настало, друзья сумели переправить рукопись «за бугор», благодаря чему Юрий Осипович успел подержать экземпляр этой книги в руках незадолго до смерти. Содержание «Факультета ненужных вещей», смысл которого в том, что для тоталитарных режимов ненужными вещами оказываются все гуманитарные ценности, лучше всего иллюстрирует достоинство Домбровского. Реминисценции из различных критических периодов человеческой истории усиливают основную линию романа, показывают зловещую общность фашистских режимов, под какой бы маской они ни выступали. Домбровский был настоящий интеллигент. Отсюда лишь увеличивали его духовное богатство. Чего стоит цикл рассказов «Смуглая ледсонетов», который он написал сразу после очередного выхода из лагеря! Обездвиженный болезнью, он перечитал гору книг, которые доставляли ему друзья из алма-атинских московских библиотек, и создал произведение, признанное не только нашими, но и английскими шекспироведами исторически точным и прекрасным по форме. Столь широко образованных, много думавших о судьбах мира и воплотивших и то и другое в своей прозе и поэзии, среди писателей двадцатого века было немного. Мне хочется противопоставить слово «интеллигент» слову «интеллектуал». Я понимаю недостаточность такой попытки, однако если глубокая интеллигентность Домбровского лежит в основе его антифашизма, то часть тех, кто именуется интеллектуалами в сегодняшней Европе, создали своего рода центры разработки и обоснования фашизма.

Будем же помнить большого писателя, антифашиста Юрия Осиповича Домбровского, будем благодарны его вдове Кларе Фазулаевне Турумовой-Домбровской, посвятившей свою жизнь сохранению его литературного наследия, добившейся (с большими материальными потерями) издания шеститомника его произведений.

Домбровский никогда не забывал о своем долге перед жертвами предателей и убийц, никогда не позволял себе «простить и забыть». И, когда «бывшие» палачи, нацисты коммунисты сегодня ждут от нас «примирения» с прошлым, вспомним слова из стихотворения Домбровского:

А мертвые спокойно, тихо спят,
Как «Десять лет без права переписки»...
А мне ни мертвых не вернуть назад,
И ни живого вычеркнуть из списков!

Рисунок
Л. Фейнберга
1968 г.

Пассажиры одного автобуса, или Если бы все было сном

Пасмурное утро. Провинция. У старого, покосившегося домика междугородной автобусной станции собралось несколько пассажиров. Вскоре появляется и автобус – тоже старый, весь помятый и поцарапанный, с какой-то трубой, несуразно торчащей из «салона». Того и гляди развалится, так и не успев взять пассажиров. Но нет – эта развалюха на колесах кое-как, с весьма умеренной скоростью, петляя по грунтовой дороге, проваливаясь в ямы и вырulingивая из них, все же добирается до станции. Кондуктор (он же владелец автобуса) приглашает пассажиров занять свои места, проявляя при этом такое мастерство словесной рекламы, словно он не кондуктор, а балаганный зазывала, а его автобус – не автобус вовсе, а ярмарочная карусель, кабинет восковых фигур или даже шапито бродячего цирка. Так или иначе, но все пассажиры усаживаются, покупают билеты, и автобус пускается в путь. Он едет в столицу – Белград. Время действия четко определяет титр, появившийся в самом начале фильма: 6 апреля 1941 года – день, когда армии фашистской Германии вторглись в Югославию. Война продолжалась двенадцать дней и закончилась полным разгромом югославской армии и оккупацией страны.

Послевоенное югославское кино постоянно обращалось к теме военной оккупации – впрочем, как и кино других стран Южной, Центральной и Восточной Европы. У каждой из них была своя трагедия, созвучная общеевропейской, но имевшая все же свои национально-психологические координаты. И кинематограф каждой из этих стран отразил ее по-своему, внося свою, ни с чем не сравнимую ноту во всеевропейский кинохорал протеста против фашизма и войны.

Югославское кино о войне и оккупации предложило свое преломление темы, выразившееся в возникновении целого жанра – так называемого «партизанского фильма», который, опираясь на реальные исторические события, изображал в эпически-героическом ключе самую важную и масштабную форму борьбы с нацистской оккупацией в Югославии – партизанскую войну, действительно ставшую народным движением и оставившую глубокий позитивный след в народном сознании. Но, конечно, война эта не была лишена для югославов драматизма и жестоких потерь. Именно об этом рассказывали партизанские фильмы, в том числе лучший из них – «Козара» Велько Булаича.

Однако со временем «партизанский фильм», ставший уже своеобразной «маркой» или «визитной карточкой» югославского кинематографа, начал обрастать штампами, приобрел ярко выраженную идеологическую окраску и в конце концов сделался в своих худших образцах продуктом поточного производства и неизменным атрибутом официального искусства.

Эту ситуацию художественного застоя и эксплуатации героической темы буквально взорвало в середине 60-х годов новое поколение югославских кинорежиссеров. Фильмы этих молодых мастеров, обновивших и тематику, и проблематику, и сам художественный язык югославского кино, подвигли многих зарубежных кинокритиков и киноведов назвать кино Югославии второй половины 60-х годов самым свободным по сравнению с кино остальных стран «соцлагеря». Следующее поколение пришло в конце 70-х – начале 80-х годов. Во многом оно опиралось на опыт поколения шестидесятых, но в то

же время предлагало свои, новые решения все той же темы. Наиболее характерным и значительным в этом смысле является фильм Предрага Голубовича «Судьбы» (1978). Предельно лаконичный, визуально выразительный, безупречно организованный в смысле экранной пластики и к тому же принципиально лишенный слов человеческой речи (в фонограмме звучат лишь несколько уставных команд по-немецки), он в пре-

делах минимальной для полнометражной картины продолжительности (64 минуты) реалистически-достоверно и в то же время символически-обобщенно представлял традиционный эпический пласт: фашистскую агрессию, оккупацию, партизанскую войну и освобождение. Но пафос «Судеб» был не героическим, а трагическим. Партизан, главный герой «Судеб», возвратившись в родной дом и

найдя его брошенным, ничего не зная о судьбе своих родных, в конце концов сам поджигал свой дом и снова уходил неизвестно куда – в войну, в огонь, может быть, в смерть...

Из фильмов Александра Петровича и Предрага Голубовича следовал очень важный и немного крамольный для того времени вывод о том, что любая война – это прежде всего трагедия, а уже потом героизм и вера в победу. Польское кино сделало этот вывод уже в конце 50-х годов, ни на секунду не забывая о концлагерях и уничтожении варшавского и краковского гетто. Югославскому кино нужно было пройти путь преодоления однозначности «партизанского фильма», чтобы правдиво поведать о днях поражения.

Именно об этих некольких днях и идет речь в фильме режиссера Слободана Шияна «Кто там поет?» (1980).

Собственно, фильм начинается не с показа пассажиров, ожидающих автобус. Еще раньше в кадр входят двое и остаются перед камерой, словно на сцене театра. Это цыгане: взрослый, но довольно сдержанный, невысокого роста мужчина и подросток. В руках у мужчины аккордеон. Несколько секунд подготовки, и они начинают петь первый куплет цыганской баллады, в котором зрителю (и слушателю) вкратце сообщается о том, что он увидит в этом фильме. Мелодия куплета грустная, но затем следует припев, и его мелодия пронизана какой-то истинно цыганской бесшабашной веселостью. Лишь последние слова припева, звучащие рефреном, – саркастически-горькие: «Ах, мама, бедная мама!.. Если бы все это было сном...»

Кадр из фильма «Кто там поет?»

Кадр из фильма

Исполнение мужчиной и мальчиком этой баллады растянется на весь фильм: очередной куплет будет сопровождать каждый новый поворот сюжета, поэтически-обобщенно комментировать его и в то же время подводить черту под каждым «актом» этого историко-романтического действия.

Перед нами театрализованная притчеобразная конструкция, этакий югославский национальный вариант драматургии Брехта, где зонги заменены цыганскими отыгрышами. Эта интереснейшая форма комментированного действия встречается в кинематографе не так уж часто, и характерно, что в югославском кино начала 80-х годов сразу несколько режиссеров прибегли к ней. Тот факт, что новым поколением югославских режиссеров была востребована брехтовская интеллектуальная дистанцированность и комментатора, и зрителя от самого действия, свидетельствует о многом. Прежде всего о том, что художественный взгляд на события сорокалетней давности, на фашизм и войну приобрел совершенно новые характеристики – притчеобразность, аналитичность, способность в одной, конкретно-индивидуальной ситуации отразить, как в капле воды, ситуацию всеобщую, глобальную. Такой подход стал возможен, скорее всего, именно благодаря временной дистанции между сороковыми и восьмидесятыми годами, позволившей взглянуть на события философски, с позиции вдумчивого анализа фактов – конкретных и глобально-исторических – и следующего за ним художественного синтеза.

Но весь секрет в том, что в данном случае мы имеем дело все же не с «эпическим театром» Брехта и не с театром вообще. Мы имеем дело с кинематографом – искусством гораздо более динамичным, обладающим намного более сильным интеллектуально-эмоциональным воздействием на зрителя и несравнимо большей достоверностью, реалистическим правдоподобием. Поэтому Слободан Шиян не ограничивается в своем фильме театральной эстетикой и приемами – он использует их как необходимый элемент самостоятельного, чисто кинематографического действия. Именно поэтому его цыгане, исполнив первый, вступительный куплет баллады, не уходят со сцены, а, убрав аккордеон в футляр, направляются к автобусной станции и становятся, наравне с другими людьми, пассажирами автобуса и – участниками действия.

Итак, несколько человек едут из провинции в Белград. Это разные люди, с разными характерами и жизненными устремлениями. Индивидуальность каждого колоритно передана в игре известных югославских актеров.

Знаменитый Павле Вуйцич играет кондуктора и владельца автобуса Крстича – человека, который знает, что ему отведено далеко не первое место в жизни, но трезво относится к этому факту. Самым важным для него является доход от его архискромного предприятия – полуразвалившегося автобуса, и поэтому он честно выполняет свои обязанности перед «клиентами» – пассажирами: доставляет их в конце концов до места назначения, а во время остановок, используя установленную в его колымаге печку, потчует пассажиров жареным мясом, а также водкой. Перед нами человек не расточительный и не склонный к филантропии, однако и не жадный. Один из тех, на ком всегда и во все времена худо-бедно держалось

Среди пассажиров выделяются двое. Один – самодеятельный певец, едущий покорять столицу, в исполнении «анфан террибль» югославского кино Драгана Николича. Молодой хлыщ в элегантной черной паре, дамский угодник, стремится как можно быстрее, удобнее и элегантнее вписаться в высшее общество и богему. Другой – некто Брна. Это, что называется, мелкий буржуа и обыватель со всем классическим набором качеств: дремучий консерватизм мышления, устойчивые социальные и национальные предрассудки, жизненная обеспеченность, абсолютная уверенность в себе и абсолютное же отсутствие рефлексии.

Но мы забыли еще о двух примечательных, хотя и не слишком заметных пассажирах этого автобуса – о цыганах, мужчине и мальчишке. Это персонажи хотя и конкретные, но в то же время в высшей степени символические – в отличие от всех остальных, которые лишь характерны и представляют собой обобщенные типы. Зачем эти двое цыган едут в Белград? Для чего они, спев вступление, присоединяются ко всем этим людям? Думается, для того, чтобы быть в этом автобусе (читай – в этом обществе) до конца – до того момента, когда автобус будет лежать перевернутый взрывом на одной из белградских улиц.

В фильме происходит множество событий: автобус встречает на своем пути похоронную процессию, и пассажиры примыкают к ней (а в это время звучит очередной цыганский отыгрыш о бренности человеческой жизни, к которому неизменно прибавляется горько-веселый припев: «Ах, мама, бедная мама!.. Если бы все это было сном...»); автобус останавливает артиллерийская часть югославской королевской армии, от офицера пассажиры узнают о начавшейся войне, офицер личным приказом мобилизует сына Крстича в армию – теперь автобус поведет сам грузный Крстич (и снова, на фоне костра в ночи и стоящих навтыжку артиллеристов, звучит грустно-протяжный куплет о том, что судьба и история играют человеком как хотят, завершающийся все тем же припевом). История вторгается в жизнь людей, но люди хотят завершить начатое, в данном случае – доехать до Белграда. Это цель каждого из них, но, кажется, не цель этих двух цыган. У них, похоже, вообще нет цели в обычном ее понимании – понимании устроенного, оседлого человека. Они просто бродяги, наблюдающие в странствиях жизнь тех людей, у которых есть цели, и в поэтически-музыкальной форме, в форме цыганской

баллады высказывающие эти свои как будто такие несложные, такие незатейливо-прозрачные, но в итоге такие важные мысли обо всем вокруг. Но в этом состоит их роль как поэтических комментаторов действия. А ведь они еще и действующие лица, и в этом качестве они представляют собой подобие лакмусовой бумажки, обнаруживающей в стране, подвергшейся фашистской агрессии, ростки собственного, национального фашизма.

Цыгане – народ кочевой. Но это не древние, а современные кочевники: в крови у них не воинственный дух кочевых орд древности, а коллективное аутсайдерство «слабых мира сего». Поэтому чаще всего они беззащитны, бесприютны и – свободны.

Тоталитарное же устройство общества (и прежде всего фашизм) не терпит личност-

Во время студенческих демонстраций против режима Милошевича в Белграде в 1996–1997 годах режиссер фильма «Кто там поет?» Слободан Шиян и некоторые другие участники творческого коллектива поддерживали студентов в их борьбе. На снимке: несколько известных югославских актеров, в том числе Драган Николич (второй справа) принимают участие в студенческой манифестации 6 декабря 1996 года. Фото со студенческого сайта Protest 96/97 (<http://www.protest.com/miroslav/protest96/pm1>)

свободы, бродяжничества и «грязи» – всего того, что обыденное сознание связывает с образом жизни цыган. И Слободан Шиян в своем фильме искусно показывает все оттенки отношения югославов к цыганам и то, что в конце концов выливается в пренебрежение «чистых» к «нечистым». Именно в этом заключается острокритическая идея фильма, виртуозно выполненного в жанре музыкальной трагикомедии.

Поначалу у разных пассажиров различное отношение к двум цыганам, с которыми им предстоит проделать путь до Белграда.

Для Крстича важно лишь то, чтобы цыгане, как и все пассажиры, на общих условиях оплатили проезд. Он как будто не испытывает к ним ни симпатии, ни презрения: они для него такие же клиенты, как и все остальные. И, как и всех остальных, он довезет их до места назначения и угостит в пути жареным мясом и водкой.

Для щеголеватого певца эти двое цыган будто и вовсе не существуют, ибо он занят лишь собой да флиртом со случайной попутчицей.

Другое дело – Брна. Как убежденный приверженец порядка и почитатель национальной государственности, он не может терпеть присутствия рядом с собой этих «грязных бродяг» и требует не пускать их в автобус. Однако здесь из чисто коммерческих интересов ему возражает Крстич: ему все равно, кого везти, лишь бы было уплачено за билет. Брна вынужден согласиться с этим доводом, однако он все равно не потерпит цыган в непосредственной близости к собственной персоне и поэтому грубо и резко приказывает им занять место на самом последнем, заднем сиденье. Здесь, в этом своеобразном гетто, сублильный мужчина и мальчик и проведут все время дороги – молчаливо, не подавая голоса, понимая и принимая свое положение отверженных.

Приказ занять задние места, данный Брна цыганам, – это, в сущности, завязка всего драматического конфликта в фильме. Брна здесь открыто проявляет и приводит в действие свои националистические взгляды. И – что самое показательное – никто ему не возражает и не препятствует. С Брна все ясно: он законченный тип националиста, и грядущая фашистская оккупация не станет худшим временем в его жизни. Но что же остальные?!.. Кто они, если молчат?!.. Создается впечатление, что и они, при всей своей внешней порядочности, подсознательно ощущают себя выше этих цыган...

В пути каждый из пассажиров раскрывается как оригинальный характер. Но во всем их «коллективном бытии» просвечивает некая «цыганскость», укорененная, видимо, в югославском национальном характере. Все у них немного невпопад, зачастую – довольно небрежно и хаотично: и едва ли не разваливающийся на части старый автобус, и непомерно преувеличенная Крстичем реклама дорожного «сервиса», и небрежное, суетливое приготовление пищи во время остановки, и не слишком изящные манеры людей, которые едят мясо с луком и запивают его водкой.

Это приметы жизни простых людей, и нет в этом ничего постыдного. Но есть в этих людях стремление при всей своей заурядности быть (или хотя бы ощущать себя) выше кого-то. Стремление, которое, развиваясь в масштабе целой страны, превращается в идею национального превосходства – идею ложную, отвратительную и опасную. То, как пассажиры автобуса поступают с двумя цыганями, недвусмысленно свидетельствует о моральных и политических основах общества, в котором они живут, и о векторе его исторического движения.

Никто из пассажиров не отреагировал на «ссылку» цыган на заднее сиденье автобуса. Во время дорожной трапезы цыганам дают поесть и выпить, но опять-таки отсылают подальше от общего стола. Тупой и однозначный национализм Брна предоставляет пассажирам, этим социально травмированным людям, средство, позволяющее скрыть от самих себя свою сущность и загнать внутрь своей души собственные комплексы. В этом человеке все они вольно или невольно начинают видеть

Кадр из фильма

лидера, предлагающего простое, всем понятное, а в действительности грубое, силовое решение проблемы. В этом маленьком, сложившемся лишь на время поезде социуме возникает свой маленький Гитлер.

И когда в финале картины – автобус уже въехал на окраинные

улицы столицы – один из пассажиров обнаруживает пропажу своего нехитрого багажа, а Брна моментально обвиняет в этом цыган, все эти люди, озверев в мгновение ока, бросаются бить и душить хилого мужчину и еще более беззащитного мальчика. Для Брна это утверждение действием его националистических взглядов, для всех остальных пассажиров – простое средство разделаться с собственным комплексом неполноценности, излив свою ненависть и жестокость на мнимых виновников.

Разумеется, цыгане ничего не крали. Более того, они сильнее всех прочих сочувствовали каждому из пассажиров (достаточно вспомнить сцену мобилизации сына Крстича).

И возмездие приходит. Автобус въезжает в Белград именно в тот момент, когда немецкая авиация начинает бомбить город. Автобус переворачивается взрывом.

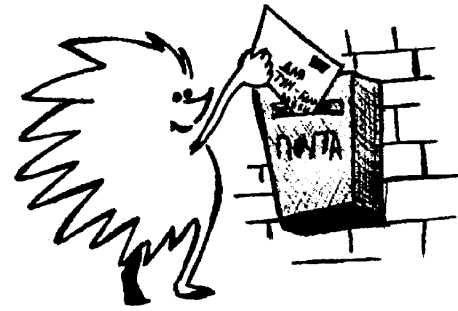
Когда бомбардировка заканчивается и рассеиваются клубы дыма, из разбитых окон автобуса выбираются только два человека – мужчина и мальчик, цыгане. И тут же, стоя на боку перевернутой машины, отряхнувшись от пыли, мужчина снимает с плеча аккордеон, и они поют финальную часть своей грустной баллады: «Все разрушили фашисты. Ничего не осталось. Ах, мама, бедная мама!.. Если бы все это было сном...»

Финал фильма великолепно символичен: волею судьбы спасены невинные. Можно было бы добавить, что наказаны виновные. Но – странное дело – ко всем погибшим пассажирам, несмотря на их действительно зверский порыв разделаться с цыганами, не испытываешь в финале чувства презрения – только жаль этих людей, которые так нелепо заблуждались и с таким внутренним страхом упорствовали в своем заблуждении. Это и чувство цыган, поющих последний куплет своей баллады: будучи истинно добрыми, они сочувствуют своим мучителям.

В финале ленты Стивена Спилберга «Список Шиндлера» тоже есть откровенно символические кадры: спасенные Оскаром Шиндлером евреи, взявшись за руки, идут по огромному широкому полю – вперед, в будущее, чтобы основать где-то там вдали свой счастливый мир – мир без антисемитизма, войн и концлагерей. Эти кадры дышат оптимизмом, надеждой на будущее народа, прошедшего ад и уцелевшего в этом аду. Оптимизм необходим. И он органичен здесь, будучи рожден американским киноискусством, в лучших своих образцах всегда ориентированным на крепкие положительные идеалы.

Но необходимы человечеству также трезвая грусть и печаль о том, что с ним случилось в XX столетии. Это тоже память. Память о трагедии. Такую память рождает европейское искусство – искусство, обладающее опытом столетий и именно поэтому способное давать образцы художественного скепсиса, который так же необходим мыслящему человеку, как и оптимизм. Фильм «Кто там поет?» – великолепно тому подтверждение. В нем нет оптимизма, но он говорит о корнях зла, которое рядом, которое внутри... Осознать это зло, определить его именно как зло – первый шаг на пути борьбы с ним.

Национализм на помойку

8 мая в 54-ую годовщину капитуляции нацистской Германии антифашистская молодежь Краснодара приняла участие в шествии по центральной улице столицы Кубани и в небольшом митинге на площади Труда под лозунгом «Национализм на помойку!»

В антифашистском марше приняло участие более четырех десятков молодых рабочих, студентов и школьников. Организаторами акции выступили участники клуба «Стоп-нацизм», объединившего в январе этого года анархистов и альтернативщиков из Федерации анархистов Кубани, Левого антифашистского сопротивления и молодых либералов из Антифашистского молодежного движения. Кроме них, в акции приняли участие также и несколько представителей молодежных крыльев правых демократических партий.

Несмотря на обыски, аресты, обвинения и давление, оказываемое репрессивными структурами (в т. ч. и ФСБ) на

молодых анархистов, они вышли под собственными знаменами и, выступая на импровизированном митинге в окружении ментов и фээсбешных камер, заявили свой протест краевым властям и губернатору Николаю Кондратенко в связи с их национализмом и антисемитизмом и напомнили собравшимся, как закончили свою жизнь фюреры – Муссолини и Гитлер. Выступавшие говорили также о корнях нацизма и необходимости объединения для противостояния коричневому. Высказывалось также мнение, что именно капиталистическая атомизация общества при отсутствии в общественном сознании гуманистической леволибертарной социальной альтернативы является прямой причиной усиления пещерного антисемитизма и

национализма на Кубани и по всему миру. Что с помощью государства никакое эффективное сопротивление фашизму невозможно, ведь как раз уже сейчас многие его агенты и структуры лелеют и пестуют фашистских молодчиков, чтобы при необходимости направить их агрессию против освободительного рабочего, женского и молодежного движения. Русский капитал и бюрократия почуяли вкус добычи и начали лязгать зубами. Фашисты будут их тараном.

Либералы на митинге говорили как всегда банальные лозунги против «красно-коричневых», о необходимости не дать им захватить власть в России и призывали поддерживать свои партии и движения. Их критика национализма заканчивается главным образом общегуманистическими сентенциями. Принцип же иерархии, элитаризма и господства капитала, бюрократии и всеобщей борьбы за выживание ими не оспаривается. Анархисты же видят в национализме и расизме идеологическое и практическое орудие владеющих властью и материальным богатством для стравливания людей, лишенных возможности определить свою судьбу самим, для сокрытия своего господства над обществом. Государственный патриотизм – это именно то, с помощью чего правящие элиты всех стран осуществляют свои намерения. Либералы и консерваторы

ры не могут предложить обществу достойную альтернативу, не желают помочь людям самоорганизоваться для самоуправления и выхода из-под диктата капитала и бюрократических систем, не видят никакой альтернативы парламентской или президентской демократии, власти экспертов и «профессионалов». Этой альтернативой могло бы быть экологически ориентированное общество в форме федерации и самоуправляющихся территориальных единиц с базисно-демократическим механизмом управления. Что правые могут предложить молодому поколению? Участие в «грязных» политических играх,

карьеру, выборные технологии, мир, полный отчуждения и всеобщей товарной формы, нищете и страдания миллионов бедных и зависимых людей по всей планете? Поэтому-то и цветет пышным цветом коричневый ядовитый цветок!

Капитализм, Иерархия, Эксплуатация – вот источник любого вида дискриминации в обществе.

Тов. Кабанос
Федерация анархистов Кубани
Левое антифашистское сопротивление

Р. С. Кстати, буржуазная пресса не поддержала особо нашу акцию. Обывательно все равно. Так как фашизм во многом соответствует его психологическому характеру и отношению к социальной и личной жизни.

Ребята, присылайте нам, пожалуйста, побольше «Тум-балалаек»! Газета нам очень нравится. Она очень нам нужна.

Вместе с АМД готовим к выпуску антифашистский молодежный бюллетень «NO PASARAN!» А4, 8 стр.

Антифашистский привет,

Спасибо за «Тум-балалайку» (97 март-апрель, № 8, 9, 10, 11). Надеюсь на будущие номера (хотя если есть возможность, то пожалуйста вышлите и более старые номера). Издание очень понравилось, так как очень информативное и выдержанное (т. е. типа взрослое). Получил огромное удовольствие читая и получая кучи информации. Хотелось бы получить больше изданий от «Мемориала» и информацию о вас. Думаю некоторые статьи перепечатать в литовской прессе или нашем издании, если вы не против. Если интересно, то можно подыскать статьи о литовских неонацистах, разнообразных фашистах, их делах и т. д., т. е. информацию о Литве. Постараюсь достать какие-нибудь статьи. В Литве из молодежных субкультур в фашизм входят только скины, которые большинство наци (хотя есть и Oi! скины, которые не фашисты, и футбольные фанаты не все наци, потому что есть и русские) и металлисты. В конце прошлого года некоторые панк, метал, нойз, ска бенды провели концерт против наци-скинхедов на концертах. Это между прочим. В старом городе в Вильнюсе ведется и «граффити война» – панки пишут анти-наци, анархо, а скины наоборот, и вообще много граффити против наци. Пока все.

С боевым антифашистским приветом,

А. Н.
Литва

Здравствуйтесь, доселе неведомые мне друзья!

Впервые прочел ваш журнал № 11 (кстати, почему вы его «величаете» газетой? Это вполне крупномасштабный сам-издат). Огромное спасибо за ваши труды по его изданию. Как говорил легендарный Тиль Уленшпигель, «теперь наступило время, когда нужно бить не в морду, а в мозги». Правда, «памятникам», баркашовцам и прочей мрази нужно бить и в морду, ибо так до них быстрее доходит, но и среди «рядовых граждан» надо рассыпать «гроздь гнева» к этой сволочи. К «коричневому» проарийскому фашизму в обществе еще имеется изрядная доза иммунитета, а вот к красному так называемым «коммунистам» и к черно-золотому монархистам он пока в дефиците. Вот этот-то социальный СПИД довольно хорошо лечит вакцинами, подобными статье «Коричневая харя из-под красного знамени», но дозы, по-моему, маловаты, хотелось бы побольше видеть таких материалов. Разъяснения по поводу национализма как питательной среды для роста фашизма тоже нужны, но сегодня куда важнее более грубая и голая контр-пропаганда. Слишком широко в России разрослись метастазы этой заразы, еще чуть-чуть, и в «четвертый рейх» превратимся. Не знаю, как у вас в Питере, а в провинциальных городках вконец задерганный горе-демократами обыватель под любую свастику, под любую звезду встанет ради кажущегося порядка. Вот ему-то и нужны прежде всего факты, что его ждет при новом «новом порядке». А уж как распространить весь этот негатив-позитив, полученный от вас, я и мне подобные журналисты-дилетанты сообразим. Правда, все труднее становится продираться сквозь различные рогатки в «официальную» прессу, но мы стараемся. Единственное, чего нам, провинциалам, не достает, это точная и яркая информация.

Немного о себе. По убеждениям — анархист. Член КАС с 1990 года. Инвалид II группы. На данный момент безработный. Мои анархистские заметки (в основном исторического характера) публиковались в местной прессе, а информация с мест — в «КАС-кор» и «КАС-контакт», но это было в расцвет «гласности». Чтобы опубликоваться сейчас в нашем изрядно пожелтевшем «официозе», нужен «убойный» материал. Попробуем что-то соорудить из вашего журнала, но с «проходимостью» подобных вещей сейчас архитрудновато.

Надеюсь получить еще номера «Тум-балалайки». Поддерживать же вас материально, как когда-то поддерживал «Общину», увы, не могу. Могём только творчески сотрудничать.

Удачи вам, мои новые друзья! (Я надеюсь, имею право вас так теперь называть?) АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА!

А.Л.

Наш друг-эсперантист Илья Шишкин предложил нам открыть в газете

НОВУЮ РУБРИКУ:

Уроки эсперанто с юмором

Мы подумали: а почему бы и нет? Итак, сегодня перед вами урок № 1

Мы предлагаем читателю изучить эсперанто с помощью оригинального метода. Он основан на том, что в тексте постепенно русские слова будут заменяться словами на эсперанто.

И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (отрывок из главы 1).

Все дело в том, какой patro

Председатель, черноглазый большеголовый homo en синем пиджаке kaj en таких же брюках, заправленных en сапоги на высоких скороходовских каблучках, посмотрел на посетителя довольно рассеянно kaj заявил, что не узнает.

— Неужели не узнаете? А между тем многие находят, что mi поразительно похож на своего patro.

— Mi тоже похож на своего patro, — не терпеливо сказал председатель. — Вам чего, kamarado?

— Тут все дело в том, какой patro, — грустно заметил посетитель. — Mi сын лейтенанта Шмидта.

Председатель смутился kaj привстал. Li живо вспомнил знаменитый облик революционного лейтенанта с бледным лицом kaj en nigra пелерине с бронзовыми львиными застежками. Пока li собирался с мыслями, чтобы задать сыну черноморского heroo приличествующий случаю вопрос, посетитель присматривался к мебелировке кабинета взглядом разборчивого покупателя.

Комментарий

Буквы, встречающиеся в замененных словах: *H, h* (произносится как придыхательное украинское *г*), *O, o* (произносится как русское *о*), *M, m* (как русское *м*), *E, e* (*э*), *N, n* (*н*), *K, k* (*к*), *A, a* (*а*), *J, j* (*й*), *I, i* (*и*), *P, p* (*п*), *T, t* (*т*), *R, r* (*р*), *D, d* (*д*), *G, g* (*г*).

Грамматика

Как вы уже заметили, все существительные в единственном числе именительного

падежа имеют окончание *-o*, а все прилагательные — окончание *-a*. Путем замены окончания вы можете превратить существительное в прилагательное: *homo* — человеческий; *patro* — отцовский; *kamarado* — товарищеский; *heroa* — героический; *infano* — детский.

Ударение в словах всегда падает на предпоследний слог, окончания произносятся четко.

Школа перевода

Я тебе покажу, где раки зимуют!

Mi montros al vi, kie la kanrkoj pasigas la vintron!

(ми монтрос аль ви, киз ла канкркой пасигас ла винтрон)

На безрыбье и рак рыба

1. *Se mankas cevalo, konvenas azelo*

(сэ манкас чэвало, конвенас азело)

Если нет лошади, подойдет и осел

2. *Se forestas la suno, suficos la luno*

(сэ форэстас ла суну, суфичос ла луно)

Если нет солнца, достаточно луны

3. *Ne trovinte bovinon, oni stelas kokinion*

(нэ тровинтэ бовинон, они штэлас кокинон)

Не найдя корову, убивают курицу

Вместе с водой выплеснуть и ребенка

Forfluas infano kune kun la bano

(форфлуас инфано кунэ кун ла бану)

Словарь:

homo — человек

en — в

kaj — и

ne — не, нет

kamarado — товарищ

nigra — черный

heroo — герой

mi — я

Крайне правые в Европарламенте

10–13 июня 1999 года в пятнадцати странах, входящих в Европейский союз, состоялись выборы в Европейский парламент – представительный орган ЕС. Ниже мы приводим данные о числе голосов, отданных в восьми государствах Евросоюза за партии, находящиеся на правом фланге политического спектра и пропагандирующие ксенофобские идеи. В остальных семи странах крайне правые в выборах не участвовали.

Страна, партия	Число голосов	Доля в %	Избрано депутатов
Австрия			
Свободная партия Австрии (Freiheitliche Partei Oesterreiches)	652 458	23,24	5
Бельгия			
Фламандский блок (Vlaams Blok)	675 556	9,2	2
Национальный фронт (Front National)	117 488	1,6	–
Бельгийский национальный фронт (Front National Belge)	29 372	0,4	–
Agir	Незначит. число		–
Германия			
Национал-демократическая партия Германии (National-demokratische Partei Deutschlands)	107 545	0,4	–
Республиканцы (Die Republikaner)	461 088	1,7	–
Экологическая демократическая партия (Oekologische Demokratische Partei)	100 059	0,4	–
Дания			
Датская народная партия (Dansk Folkeparti)	114 449	5,8	1
Партия прогресса (Fremskridtspartiet)	14 225	0,7	–
Италия			
Национальный альянс (Alleanza Nazionale)	4 040 000	10,5	9
Лига Севера (Lega Nord)	2 160 000	4,5	4
Итальянское социальное движение – Трехцветное пламя (MSI – Fiamma Tricolore)	672 000	1,4	1
Нидерланды			
Центристы-демократы (Centrumdemocraten)	17 743	0,5	–
Франция			
Национальный фронт (Front National, Ле Пен)	1 000 112	5,71	5
Национальное движение (Mouvement National, Мерге)	575 940	3,29	–
Объединение за Францию и независимую Европу (Rassemblement pour la France et l'indpenndance de l'Europe, Паскуа и де Вийер)	2 294 474	13,09	13
Швеция			
Шведские демократы (Sverigedemokraterna)	8568	0,33	–

Пепел и дым

Неизбежно, один за другим –
В крематорий, в клубящийся дым.
Вот и все... Все изгибы судьбы –
Черным дымом из страшной трубы.

Удобрятся пеплом поля.
Просыпается утром земля...
И в земле – без могил и костей –
Миллионы сожженных людей.

Удобрением стали они.
Вслед за днями последуют дни.
Этот хлеб, что из пепла взойдет,
Он из наших сердец прорастет:

В этом колосе – я, в этом – ты...
Мы – колосья, трава и цветы...
Мы под влагой дождей проросли,
Мы воскресли из сонной земли...

Тела нет. Нет ни рук и ни рта.
Наша участь теперь – немота.
И не знает никто, кроме нас,
Чем явились мы в мир в этот раз.

Это поле возшло на золе.
Будет хлеб у людей на столе.
И они, как Спаситель хотел,
Вкусят наших истерзанных тел...

А на поле, где мы проросли
Из весенней и влажной земли,
Станет место безгласным другим,
От которых – лишь пепел и дым...

Песенка карликов

Мы – крохотные карлики
У призраков в плену.
Мы составляем армии,
Шагая на войну.

Мы – бодрые солдатики,
Вышагиваем марш.
От нашей акробатики –
Мясной остался фарш.

Теперь мы – инвалидики,
С медалями и без.
Ах, как же нас обидели,
Наобещав чудес!..

Теперь мы стали скушные
И воем на луну.
Кого мы только слушали,
Шагая на войну?..

Зачем мы только верили
В присягу и приказ?...
Обвесили, обмерили
И обсчитали нас...

Теперь мы все дистрофики:
Сказался недoves.
И ждут нас только гробики –
С крестами или без.

Еще раз об Орле

Менделевич Э. С. Свастика над городом первого салюта. (Процесс баркашовцев в Орле). Воронеж: Профессиональный союз литераторов, Центр поддержки малой прессы, 1998

Одной из наиболее ярких и значительных антифашистских публикаций прошедшего года следует признать книгу Эммануила Менделевича «Свастика над городом первого салюта (Процесс баркашовцев в Орле)». Заслуга опубликования этой работы, важной и действительно полезной для каждого интересующегося состоянием современной России и сознающего серьезность проблемы фашизма и ксенофобии, принадлежит воронежскому Центру поддержки малой прессы Профсоюза литераторов – палочке-выручалочке многих антифашистов в наше безденежное время.

Книга состоит из двух разделов: собственно материалов «дела» орловских баркашовцев (обвинительное заключение, речь общественного обвинителя и приговор) и наиболее интересной для нас авторской части «Размышления об орловском процессе» Эммануила Менделевича. Этот своеобразный комментарий к документальной части книги не только эмоционально окрашивает и во многом дополняет историю печально знаменитого процесса членов орловского РНЕ, но и позволяет увидеть многие характерные черты современной российской политики, уточняя и расширяя наше представление о сегодняшней ситуации в стране, «победившей фашизм».

Бесстрашный и высокопринципиальный антифашист Эммануил Менделевич сделал информацию об орловском процессе доступной всем нам – интересующимся проблемой фашизма, но часто, увы, так мало знающим о реальных делах и тайных замыслах современных нацистов.

Не стоит, наверное, вновь пересказывать историю суда над лидером РНЕ города Орла Семеновым и четырьмя другими членами его организации, обвинявшимися в убийстве женщины и ребенка, а также в разжигании национальной розни и пропаганде насилия в отношении евреев и других национальных меньшинств. Подробное изложение этих событий было опубликовано в № 7 «Тум-балалайки», а заметка Э. Менделевича об исходе процесса – в № 10. На этот раз мы ограничимся лишь благодарным отзывом на добросовестную и безжалостную по отношению к самому себе книгу Э. Менделевича, создание которой потребовало от автора огромного эмоционального напряжения, тяжелого и неприятного труда по сбору и обработке всевозможной информации об орловских фашистах и, бесспорно, большой личной храбрости. Ведь Э. Менделевич открыто печатал свое имя и даже фотографию, хотя и осознавал, насколько это небезопасно. Недаром первые слова его книги звучат так печально: «Я благодарю всех, кто помог мне в подготовке этой книги, и сожалею, что не могу назвать их имена: сложившаяся в Орле обстановка не позволяет этого сделать». Непримиримая позиция Э. Менделевича выражена уже в словах, вынесенных в эпиграф: «Фашизм – это уголовщина, притворившаяся политикой». Так называется и одна из глав, исполненная обвинительного пафоса в отношении РНЕ и Семенова, не пренебрегающего никакими методами, вплоть до грабежа и убийства, чтобы достать деньги для своей партии. У Э. Менделевича есть все основания называть орловский

фашизм уголовщиной. Безусловно убедительны и тщательно подобранные автором исторические примеры и сведения, доказывающие большое сходство и даже близкое родство преступлений Семенова и прочих РНЕшников с деяниями и идеями немецких нацистов и русских фашистов предшествующих эпох и поколений, ответственных за погромы, геноцид, бесчисленные человеческие страдания, войну. Далеко не все фашистские государства и партии получили по заслугам от современников, но каждый из участников их преступлений заслуживает антифашистского суда. «Нюрнберг продолжается!» – утверждает Э. Менделевич. Книга об орловском процессе – сама по себе антифашистский суд, предъявляющий обвинение, внимательно рассматривающий каждый «аргумент защиты» – соображения РНЕшников о «безвредности своей деятельности» – и убедительно показывающий всю лживость, корыстность и слабость тех, кого Э. Менделевич обвиняет в фашизме. И в конце концов, не так уж важно, что сегодня у многих антифашистов нет возможности осуществлять свои приговоры. Очень важно, чтобы хоть кто-то имел смелость вынести приговор: «Фашист должен сидеть в тюрьме» – название еще одной главы книги. В отличие от многих своих коллег-антифашистов, Э. Менделевич не углубляется в дебри слишком сложного вопроса о «юридическом определении фашизма».

Его не так уж волнует проблема недостатков семьдесят четвертой, так называемой «антифашистской», статьи Уголовного кодекса о разжигании национальной розни. Менделевич смотрит на дилемму уголовного осуждения фашистов просто и здраво: не нужно сажать за «фашизм», фашистами совершается достаточно преступлений, так как они фашисты. «Получается так, что, мол, фашизм, конечно, дело плохое, но раз о нем нет ни слова в Уголовном кодексе, то и судить за него нельзя. Странное дело! О крепостничестве УК тоже молчит, так значит ли это, что оно разрешено? Вовсе нет: явления, называемые историками и социологами крепостничеством,

охватываются некоторыми и даже многими статьями УК, надо только отчетливо понять, что такое крепостничество, и определить, какие это статьи» (с. 7). Трудно не согласиться с таким простым и реальным подходом, снимающим запутанный вопрос, на который у многих уходит столько сил, времени, денег и бумаги.

Зачем нужна антифашистская статья в Уголовном кодексе? Ведь есть конкретные уголовные статьи о клевете, о призывах к насилию и подстрекательстве к убийству, о хранении и распространении оружия, да еще много о чем. Преследовать по суду только за то, что «они – такие-то» (фашисты, коммунисты, баптисты или еще кто), дело очень ненадежное и, более того, опасное. Это показал опыт даже таких относительно демократических стран, как США и многие страны Западной Европы, в 50-х годах нашего века, в период так называемой «охоты на ведьм» – преследований коммунистов, когда пострадали масса народа, интеллектуалов и просто критически мыслящих людей, заподозренных в «коммунизме». Судить же за реальные уголовные преступления – нормальная практика всякой страны, где судят за нарушение законов и попрание прав. Для того и существуют суды, институт более древний, чем государство.

Надеяться на государственные репрессии в отношении фашистов – наивно. Это также подтверждается орловским

**Эммануил
МЕНДЕЛЕВИЧ**

**СВАСТИКА НАД ГОРОДОМ
ПЕРВОГО САЛЮТА**
(Процесс баркашовцев в Орле)

примером. Честный журналист-обличитель Э. Менделевич так и назвал один из разделов книги: «Главный сообщник подсудимых – власть». Это едва ли не самая важная и ценная часть антифашистского расследования Э. Менделевича – доказательства многолетней поддержки, которую оказывали Семенову и орловская городская администрация, и ее глава, один из ведущих российских политиков, губернатор Егор Строев. Это, конечно, сделало крайне трудным, порой почти невозможным какое бы то ни было противостояние местному микро-Гитлеру Семенову. Известный всему городу антисемит и погромщик Семенов был вхож во все инстанции областной власти, вел передачи по телевидению, даже «воспитывал» по поручению Строева молодежь. Мало того, когда ему понадобился диплом о высшем образовании, педагогическому институту было немедленно дано указание «помочь» протезе администрации Семенову. «Только принципиальная позиция, занятая покойным деканом истфака

Цехновичером, сорвала подлый план властей. Я хорошо знал Леонида Яковлевича, и знаю с его слов, сколько душевных сил потребовалось этому тихому, миролюбивому, тогда уже очень больному человеку, чтобы отказаться выполнить недвусмысленный приказ властей. Кто знает, может, это напряжение стало одной из причин его скорой кончины» (с. 47).

Невозможно читать эти строки без боли, зная, что через несколько месяцев после написания и опубликования своего антифашистского свидетельства и обвинения орловских фашистов и их пособников из начальства, Эммануил Соломонович Менделевич умер от сильнейшего инфаркта. Как написала нам его сестра Белла Соломоновна, «его сердце разорвалось на тысячу кусочков». Такого антифашиста всегда будет не хватать, и не только в Орле. Уже не хватает...

Arst*

Книжкино ревью

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Перевод с немецкого А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998

Книга Виктора Клемперера, посвященная языку нацистской Германии, была впервые издана сразу после войны. Переизданий в ГДР было мало, а на русский язык она была переведена только недавно.

Lingua Tertii Imperii (LTI) – язык Третьей империи (или рейха, как принято говорить у нас) – послужил предметом филологического анализа, проведенного Виктором Клемперером, известным немецким филологом, специалистом по французской литературе. Однако книга, написанная ученым об этом языке, не претендует на академичность. В ней филологические размышления сменяются воспоминаниями о людях и событиях этого трагического времени, страницами из личного дневника. Взгляд Клемперера на нацистскую Германию – это, конечно, взгляд филолога, старающегося обозначить и проанализировать некоторые закономерности в языке, но в первую очередь, это взгляд человека, с отчаянием понимающего, что мир вокруг рушится, что хорошо знакомые, как казалось, люди меняются на глазах, и пытающегося ухватиться за единственную возможность спасения (физического и морального) среди всего этого хаоса. В 1935 году Клемперер, как еврей, был уволен с кафедры романистики дрезденского Высшего технического училища, и для ученого начались настоящие трудности. Жизнь ему была сохранена благодаря «арийской» жене, однако это не спасло его от принудительного физического труда, насмешек, оскорблений, постоянного страха за собственную жизнь. Кроме того, Виктор Клемперер как филолог не имел практически никакой возможности для продуктивной работы по специальности: евреям запрещалось не только хранить дома, но и брать в библиотеках «арийскую» литературу. Газеты читать также не позволялось. Весь материал для исследования *LTI* ученому приходилось собирать из услышанных по радио обрывков речей, из случайных листовок и газет, из редких книг, которые его жена под строжайшим секретом приносила домой.

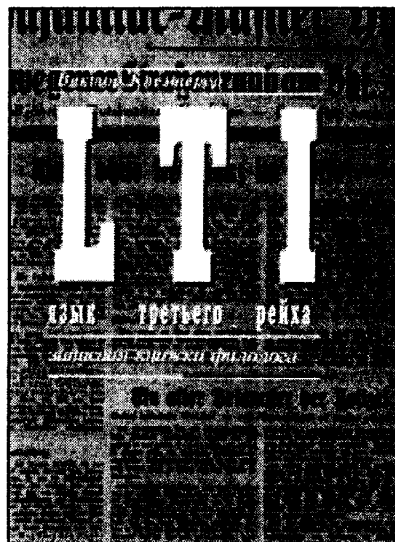
О том, с какими проблемами были сопряжены научные изыскания Виктора Клемперера, говорит следующий пассаж из его книги: «Никогда, ни разу в жизни ни от одной книги не гудела у меня голова так, как от «Мифа 20 века» Розенберга. И не потому, что книга отличается особым глубокомыслием, с трудом поддается пониманию или же потрясла меня, нет, просто из-за того, что Клеменс (палач дрезденских евреев, отличавшийся особым изуверством – В. К.) целую минуту дубасил меня ею по голове. «Как ты посмел, жидовская свинья, читать такую книгу?» – орал Клеменс. Для него это было своего рода поругание святыни. «Как у

тебя вообще хватило нахальства держать здесь библиотечную книгу?» От концлагеря меня спасло тогда лишь то, что книга была выдана на имя моей арийской супруги, и что листок с заметками, сделанными при чтении, был разорван без попыток разобраться в записях» (с. 22).

Эпиграфом к книге служат слова Франца Розенцвейга: «Язык – это больше, чем кровь». В них заключается ответ на вопрос, почему же в течение двенадцати лет огромные массы населения Германии (причем не только «простой народ», но и интеллектуалы) были охвачены безумием нацизма, слепо верили в правоту «своего фюрера». Виктор Клемперер пытается найти причины в том, что нацисты исключительно удачно манипулировали языком, который, по убеждению ученого, есть не просто средство общения между людьми, носитель информации и хранитель человеческой культуры, но властный распорядитель жизни.

Клемперер писал, что «нацизм въедался в плоть и кровь масс» не через «отдельные речи, статьи, листовки, плакаты или знамена», «рассчитанные на мышление или осмысленное восприятие», а «через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» (с. 25).

В самом начале книги Виктор Клемперер приводит слова из дистиха Шиллера о языке, который «сочиняет и мыслит» за человека. Однако язык, по Виктору Клемпереру, не только творит сам себя с помощью устойчивых речевых штампов, но и управляет чувствами человека. «Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно

Виктор Клемперер

для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо. Если человек достаточно долго использует слово “фанатически” вместо того, чтобы сказать “героически” или “доблестно”, то он в конечном счете уверует, что фанатик – это просто доблестный герой и что без фанатизма героем стать нельзя. Слова “фанатизм” и “фанатически” не изобретены в Третьем рейхе... но он

(рейх) изменяет значения слов, частоту их употребления... слова, группы слов, конструкции фраз он пропитывает своим ядом, ставит на службу своей ужасной системе, превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки» (с. 26). Особенно большое впечатление производят рассказы Клемперера о его коллегах, близких или случайных знакомых, которые буквально на глазах автора пропитывались этим ядом нацизма, что происходило, по большей мере, бессознательно: через употребление особенно расхожих нацистских словечек и выражений. По словам автора, «высказывания человека могут быть лживыми, но его суть в неприкрытом виде явлена в стиле его речи» (с. 20).

Нет нужды доказывать, что аналогичное манипулирование языком происходило и у нас в стране. Возможно, именно поэтому имя Виктора Клемперера (несмотря на то, что он был членом компартии) не упоминалось в Советском Союзе. В Восточной Германии тоже не находили нужным особенно популяризировать его книгу, так как идеологическая обработка населения после 1945 года не прекратилась и там. Тоталитарный режим коммунистов чувствовал опасность если не отождествления, то по крайней мере нежелательного для себя сравнения с нацистским режимом.

Эйнхорн Е. Избранный выжить. Перевод со шведского С. Штерна. СПб.: Всемирная литература, 1999

Ержи Эйнхорн – фигура в Швеции весьма известная. Знаменитый врач, председатель Шведского антиракового фонда, директор крупнейшей онкологической клиники и многолетний член Нобелевского комитета, он ведет активную общественно-политическую деятельность. Его мемуары посвящены событиям более чем полувековой давности, когда Эйнхорн стал свидетелем Холокоста – истребления нескольких миллионов евреев, и чудом избежал участи жертвы. Эйнхорн описывает картины детства в небольшом польском городе Ченстохове совсем рядом с германской границей, свою семью, сохраненные детской памятью приметы жизненного уклада восточноевропейского еврейства, уничтоженной нацистами культуры идиш. Рассказчику было 14 лет, когда с оккупации Польши началась Вторая мировая война и польские евреи почти сразу же оказались изолированными в условиях гетто, которые несколькими годами спустя были ликвидированы вместе практически со всеми обитателями. Это повествование ценно не художественными достоинствами, точно так же, как и не всегда бывает убедителен автор в поисках объяс-

Тем более интересен становится вопрос, была ли одна из глав книги – «Если двое делают одно и то же...» – искренним убеждением автора или данью цензуре. В этой главе Виктор Клемперер пытается разрешить следующую задачу: если двое (в данном случае большевизм и нацизм) делают одно и то же, означает ли это, что они исходят из одинаковых посылок и преследуют одинаковые цели? Самые характерные слова *ЛТ* взяты из технического обихода, и их употребление направлено, без сомнения, на механизацию самой личности. Как же быть с языком советской империи, насквозь пропитанным этим обезличивающим механистическим духом? Выражение Сталина «инженеры человеческих душ» (Виктор Клемперер ошибочно приписал его Ленину) подразумевает, что душа человека воспринимается как машина. Однако, как пишет Виктор Клемперер, большевизм в корне отличается от нацизма тем, что «технизует свою страну», «чтобы обеспечить людям достойное существование, чтобы предложить им – на усовершенствованном физическом базисе, при снижении гнетущего бремени труда – возможность духовного развития» (с. 203).

Вероятно, Виктор Клемперер не был бы столь категоричен, если бы писал свою книгу не в сороковые годы (сразу после победы Советского Союза над Германией), а хотя бы на несколько десятилетий позже. Результаты деятельности большевиков известны, мы прекрасно знаем, насколько «свободно» и в СССР, и в ГДР могло происходить духовное развитие личности.

Нам не стоит заблуждаться относительно собственной эпохи: выражения типа «зачистка территории от бандформирований» (Грачев), «лица кавказской национальности», «патриот» вместо «националист» и прочие наполняют наш язык. Одни исчезают со временем, другие укрепляются. Нам необходимо соблюдать своеобразную «гигиену речи», чтобы не заразиться э.ой опасной болезнью, потому что она может завладеть нами незаметно для нас самих.

Напоследок хочется еще раз подчеркнуть, что «*ЛТ*. Язык Третьего рейха» – это не просто книга о языке, это история жизни. Она увлечет не только филолога или человека, знающего немецкий язык (к сожалению, многое в этой книге построено на труднопереводимой игре слов), но и любого заинтересованного историей тоталитаризма.

В. П. Кирсанова

нения воздействия фашизма в Германии. Воспоминания – отражение опыта той жизни, где поход с матерью в кино оказывался смертельно рискованным предприятием, а почти каждая история из школьной жизни заканчивается фразой вроде: «А его убили уже осенью 1941 года», и так множество раз на протяжении нескольких десятков страниц. Мир, где быть уничтоженным, попав в отправляющийся в Трелинку состав, или быть убитым полицейским на улицах гетто просто так, развлечения ради – закономерность, и лишь случайное стечение обстоятельств помогает выжить семье ченстоховского портного Пинкуса Эйнхорна.

Одно из наиболее впечатляющих мест книги – описание того, как нацисты 26 июня 1943 года увозят на расстрел членов Боевой еврейской органи-

Ержи Эйнхорн

ИЗБРАННЫЙ ВЫЖИТЬ

зации в присутствии выстроившихся для селекции пяти тысяч оставшихся в живых – пока! – соплеменников. Участники Соппротивления кричат: «Не забудьте нас!», «Вы не должны нас забывать!». Эйнхорн пишет: «Мне кажется, я тоже кричу; хотя не уверен, может быть, это шепот, который кажется мне криком. Но в одном я уверен – никто, ни один из нас не забудет, никто не сможет забыть и не имеет на это права. Если даже кто-то из нас каким-то чудом окажется в живых, он должен рассказать, что мы видели этим солнечным днем на площади перед Малым гетто в Ченстохове – как увозили прочь этих молодых женщин и мужчин, какую ответственность они возложили на нас; выполнить последнее желание в их юной жизни – мы должны помнить» (с. 192). Ержи Эйнхорн остался в живых, и напоминая нам, живущим в конце века, о том, что происходило в Европе несколькими десятилетиями ранее, тем самым выполняет свой долг. «Избранный выжить» – в этом названии не самомнение и не гордость, а осознание своего долга человеком, чье становление происходило воистину в нечеловеческих условиях, – хотя, как это ни парадоксально, именно эти впечатления, по признанию самого автора, сделали его глубже, внимательней и ответственной. В этом названии – сплочение евреев, связанных одной страшной участью, и осознание своего одиночества в мире, где поначалу даже союзники по борьбе с Гитлером стараются не придавать особенного значения фактам уничтожения миллионов ни в чем не повинных лиц «низшей расы».

Особая тема – отношение поляков к евреям: большая часть их оставалась почти равнодушна к происходившему, другие выдавали евреев, пытавшихся скрыться в «арийской» части города, а партизаны из польских националистических организаций даже убивали еврейских юношей-боевиков. Автор пишет о свирепствовавших на службе в СС по охране гетто отрядов так называемых «черных» (по цвету одежды) из Прибалтики и Украины. Эйнхорн отмечает их особую жестокость и говорит, что «черных» боялись даже больше, чем самих немцев. Это свидетельство очевидца лишний раз опровергает рассказы о «насильственно угнанных» в СС борцах за национальную независимость из бывших республик СССР.

Семья Эйнхорна была освобождена незадолго до ожидавшейся отправки на запад – навстречу смерти – из трудового лагеря Хасаг-Пельце в середине января 1945 года наступавшими советскими войсками. Автор выражает им чувство самой глубокой признательности, что не мешает ему рассказывать правду о становлении просталинского режима в Польше. Еврейские погромы в польских городах в августе 1946 года стали позорной страницей новейшей истории Польши; именно тогда Эйнхорн принимает решение эмигрировать и переезжает из Дании, где в то время находился по студенческому обмену, в ставшую ему второй родиной Швецию.

Необходимо подчеркнуть вклад в осуществление издания переводчика книги Сергея Штерна. Мемуары знаменитого шведского медика – еще одно предостережение и аргумент против усиливающегося в последнее время как у нас, так и на Западе ревизионизма, попыток доказать отсутствие акций массового истребления или, по крайней мере, приуменьшить их характер, подвести черту под итогами мировой войны против фашизма. Врач, облегчивший страдания множеству больных, написал книгу для исцеления совести современников и следующего поколения читателей. Перевод книги Ержи Эйнхорна в России и презентация ее в Петербурге (на которой присутствовал сам автор) – еще один вклад в борьбу с теми, кто хочет сейчас вычеркнуть из памяти преступления нацизма.

Я.М.Б.

26 июня 1999 года на 72-м году жизни скончался Сергей Михайлович Винавер. Он принимал активное участие в организации общества «Мемориал», многие годы был членом правления общества, активным сотрудником правозащитной комиссии. Все последние годы жизни он отдал защите прав жертв политических репрессий, борьбе с проявлениями фашизма, ксенофобии и национализма в нашем городе.

**В помещении общества «Мемориал»
работает**

антифашистская библиотека

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция антифашистских периодических изданий, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии.

Читатели могут воспользоваться алфавитной и систематической картотекой статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам многих библиотек России.

Библиотека открыта в понедельник и среду с 11 до 17 часов, в четверг с 14 до 20 часов.

Справки по телефону 314-23-68 (добавочный 3).

Адрес: Разъезжая ул., д. 9 (вход со двора)

Учредитель: Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъезжая ул., 9
Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль» 191186, Санкт-Петербург, Малая
Конюшенная ул., 5

Адрес редакции: 189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8,
Ежовой Е. Т.

Тираж 500 экз.

Любые перепечатки приветствуются.

Просим по возможности ссылаться на источник.